

СЕКЦИЯ 7

«ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИЗМ: КЛАССИКА, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

СОДЕРЖАНИЕ

- АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ Асрори Мирзошохрух, кандидат философских наук Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе 607
- НОМО COSMICUS КАК ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО Беляев И. А., доктор философских наук, доцент Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет» 615
- ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ГУМАНИЗМА Габдуллин И.Р., кандидат философских наук, доцент 621
- УНИВЕРСИТЕТ КАК СУБЪЕКТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕПУТАЦИИ Давлетшина Е.В. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет», г. Челябинск 625
- ДУХОВНАЯ ИМИТАЦИЯ Закирова Т.В., кандидат философских наук 629
- ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА В ЕГИПЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ Заплатин Вадим Евгеньевич, студент Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет» Завьялова Галина Ивановна, кандидат философских наук, доцент Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет» 636
- АРХАИЧЕСКОЕ И ЦИВИЛИЗОВАННОЕ НАЧАЛО В РЕТРОСПЕКТИВНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГЛИФОВ СЕВЕРНОЙ АВСТРАЛИИ) Кабылинский Борис Васильевич, доктор философских наук, профессор Институт политических исследований (Белград, Сербия) 644
- ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АСПЕКТЕ Карабаева Карлгаш Дияровна, к.ф.н., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Оренбургский государственный университет» 647
- УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЙ В ИСКУССТВЕ И УТОПИИ КАК БАЗОВОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ Коломиец Г.Г. , доктор философских наук, профессор Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», г.Оренбург 651

- СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ Косиченко А. Г., доктор философских наук, профессор
Институт философии, политологии и религиоведения Министерства науки и
высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы 655
- МЕТОД ФОКУС-ГРУППЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ФИЛОСОФИИ МАХАЯНЫ: АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ Лазаренко Э. С., кандидат политических наук Кыргызско-
Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек 662
- ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИНТЕТИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ
Лойко А. И., доктор философских наук, профессор Белорусский национальный
технический университет, Минск 667
- ЧЕЛОВЕК В МИРЕ БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ,
ДОСТИЖЕНИЯ И РИСКИ Недорезов В.Г., кандидат философских наук, доцент
Писарчик Л.Ю., кандидат философских наук, доцент Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет» 670
- НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ СОЗНАНИЯ
Олимов К., доктор философских наук, профессор, академик АН Республики
Таджикистан Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова
АН Республики Таджикистан, г. Душанбе 678
- СОВРЕМЕННЫЙ САТАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ КОНВЕРСИИ
И КОНТРОВЕРСИИ Перцева У.С., ассистент кафедры философии,
культурологии и социологии Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский
государственный университет» 682
- ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И
ОБЩЕСТВА Сорочайкин Иван Андреевич аспирант Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет» 686
- ТРАНСГУМАНИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ Хуббитдинова Зарина
Айратовна Южанинова Екатерина Рафаэлевна, доктор педагогических наук,
профессор кафедры философии, культурологии и социологии 690
- ПОДЛИННОСТЬ ПОЗНАНИЯ МИРА КАК ПРОБЛЕМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФИЛОСОФИИ Стрелец Ю.Ш., доктор философских наук, профессор Щеглова
М.И. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет» 693

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ

**Асрори Мирзошохрух, кандидат философских наук
Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова
Национальной Академии наук Таджикистана, Душанбе**

Достоинство имеет глубокие корни в нравственной философии, утверждающей самоценность человека и, согласно кантовскому императиву, к человеку следует относиться никогда не просто как к средству, но всегда в то же время как к цели. Другими словами, мы должны относиться друг к другу как к людям, имеющим внутреннюю ценность и признание права на достоинство – это признание внутренней ценности человека: человек имеет право на то, чтобы к нему относились как к достойному уважения и заботы и, что человеческое достоинство тесно связано с понятием человека как субъекта, способного делать моральный выбор, формировать свою идентичность, противостоять несправедливости и участвовать в формировании социальных отношений.

Исследователь достоинства человека, американский профессор М. Нуссбаум выражает эту мысль следующим образом: «Основная идея заключается в том, что человек – это достойное свободное существо, которое формирует свою собственную жизнь в сотрудничестве и взаимовыручке с другими, а не пассивно формируется или подталкивается миром, как “стадо” или “стадное животное”. По-настоящему человеческая жизнь – это жизнь, которая формируется под влиянием этих человеческих способностей – практического разума и общительности» [1, с. 72]. Таким образом, ценить достоинство, присущее человеку как обществу, значит обеспечивать людям гражданские и политические свободы, а также эффективный доступ к социальным и экономическим средствам, необходимым для развития их физических, эмоциональных, творческих и ассоциативных способностей. Нуссбаум разрабатывает предварительный список «центральных человеческих способностей», которые должны быть закреплены в политических и конституционных принципах в качестве базового социального минимума для всех. В этом списке она стремится выделить «те человеческие способности, которые, как можно убедительно утверждать, имеют основное значение для любой человеческой жизни, независимо от того, чем еще человек занимается или что выбирает» [1, с. 7-8].

Проект Нуссбаума по разработке списка «центральных человеческих способностей» подвергся критике за редуцированность и недостаточную чувствительность к различиям, сложности и свободе человека. Ценной особенностью списка является его целостное представление о жизни человека, показывающего, что доступ к социально-экономическим правам – это не просто вопрос выживания, но и развитие и реализация ассоциативных, интеллектуальных и эмоциональных способностей человека. В любом случае

многие не считают необходимым подписываться под ее списком (или даже под ее проектом по составлению списка), чтобы поддержать главную идею о том, что мы проявляем уважение к человеческому потенциалу, создавая среду основных свобод и материальной поддержки, которая позволяет им процветать.

В своем анализе человеческого достоинства как нормативной концепции О. Шахтер (1915-2003), американский профессор международного права и дипломатии, помощник в ООН, проводит различие между «субъективным аспектом человеческого достоинства (как человек чувствует или думает о другом) и объективным аспектом (как человек относится к другому)» [2, с. 849]. В своем объективном, социальном измерении он утверждает, что человеческое достоинство «требует признания минимальной концепции распределительной справедливости, которая бы требовала удовлетворения основных потребностей каждого человека» [2, с. 852]. Таким образом, он включает в перечень поведения и идей, оскорбляющих или принижающих достоинство и ценность личности, ухудшение условий жизни и лишение основных потребностей человека.

Международное право прав человека выводит из ценности человеческого достоинства как гражданские и политические, так и социальные, экономические и культурные права [3]. Этот подход к понятию «человеческое достоинство» свидетельствуют о том, что оно отнюдь не сводится к субъективным личностным вопросам. Напротив, уважение человеческого достоинства требует от нас пристального внимания к условиям материального неблагополучия и его влиянию на различные группы нашего общества. Это подводит нас к мысли о том, что человеческое достоинство неразрывно связано с негативной свободой. Соответственно, достоинство как ценность будет поддерживать ограничения на вмешательство государства в свободу личности и препятствовать вмешательству в перераспределение социальных ресурсов. Человеческое достоинство, безусловно, требует уважения личной автономии и выбора, но в то же время наша приверженность уважению сущностной свободы и жизненного выбора каждого человека требует создания социальных условий, от которых зависит способность человека к самореализации и способности. Это позволяет Д. Фельдману охарактеризовать достоинство как «обоюдоострый меч», который может работать как на поддержание, так и на ограничение личных свобод: «Мы не должны считать, что идея достоинства неразрывно связана с либерально-индивидуалистическим представлением о человеке, чей жизненный выбор заслуживает уважения. Если бы это было не так, то мы бы считали, что идея достоинства неразрывно связана с либерально-индивидуалистическим взглядом на человека, чей жизненный выбор достоин уважения... Стремление к человеческому достоинству может скорее подорвать, чем расширить возможности выбора, и в некоторых обстоятельствах скорее ограничить, чем расширить сферу действия традиционных прав человека «первого поколения» и основных свобод» [4, с. 685]. Согласно этому автору, все это может свидетельствовать о том, что достоинство является неопределенной ценностью, и оно не может подсказать нам, когда следует ограничивать вмешательство

государства в свободы, а когда оно должно требовать позитивного вмешательства.

С другой стороны, современная гуманистическая философия ответственна за осознание единства и достоинства всех людей, которое И. Кант определяет как категорический императив: «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [5, с. 270]. По мнению автора, термин «достоинство», происходящий от латинского *dignitas*, обозначает все, что заслуживает уважения, внимания или почтения, представляя собой нравственную категорию состояния человека, и поэтому является исторически сложившимся понятием, основанным на гуманистическом осознании достоинства человека, которое утвердилось со времен античных философов. В этом смысле в философских исследованиях упоминания о человеческом достоинстве восходят к античности, к стоическим философам: для стоических философов идея достоинства была качеством, присущим человеку, поскольку позволяла ему отличать себя от других живых существ; в произведениях мыслителей эпохи Нового Времени такое представление о достоинстве человеческой личности оценивалось в зависимости от положения человека в обществе, а также от того, как общество его признавало.

В настоящее время само общество переживает спад в оценке человеческого достоинства; нежелательное поведение в нем свидетельствует о том, что сам человек обесценивается, а значит, не позволяет воздать ему почести, причитающиеся ему как личности и обществу. Общество забыло, что одно из его основных предназначений – гарантировать свое существование, сохранение всех благ в целом и сосуществование между людьми. Для этого оно требует от индивида упорядочения и регулирования своей деятельности, поступков, функций, отношений в целом с другими людьми и их исполнения. Сам человек в своем социальном развитии забывает или не хочет понять, что окружающие его люди являются носителями чести, а значит, заслуживают уважения: «Это почтительное отношение, основанное не только на признании достоинств человека, но и на взгляде на человека как на личность со своими ценностями, имеющую право на свое мнение и убеждения. В соответствии с таким отношением человеку с заслугами оказывают честь сделать что-то первым, сажают на лучшие места, уступают дорогу и т.д. При общении (диалоге) уважение проявляется в том, что слушающий внимательно и серьезно относится к тому, что говорит уважаемый собеседник, к его чувствам, не позволяет себе резких и нетактичных высказываний» [6, с. 268].

У каждого из нас есть права и обязанности, но в чем мы проявляем это уважение? Неизменно, что индивиды больше апеллируют к первому, оставляя в стороне второе, где мы видим попрание человеческого достоинства, призывающее доставить моральное благо другому. Происходит надругательство над личностью, ее достоинством, когда игнорируется, что достоинством обладает выдающийся человек, например, лишенный свободы за совершение убийства, убийства, изнасилования, грабежа и т.д. Забывается даже то, что

достоинство человека коренится в самом его существе, человек стоит того, что он есть, он должен заботиться о своем достоинстве. Носителем этого качества является все человечество, поскольку оно - самое привилегированное творение природы, обладающее рациональным и нравственным измерением, что позволяет ему принимать решения относительно своей воли. Таким образом, независимо от достижений и неудач, от социального или экономического положения, от физических особенностей и умственных способностей, и мужчины, и женщины достойны уважения, поскольку у них есть общий знаменатель, который квалифицирует их как личности. Человеческая личность – это со-творчество и является привилегированной не только в силу вышесказанного, но и потому, что она ставит под сомнение даже свою личную реальность посредством понимания, принятия решений и ответственности, которые являются частью ее достоинства. Выражаясь словами Гегеля, «человек по своему непосредственному существованию есть само по себе нечто природное, внешнее своему понятию; лишь через усовершенствование своего собственного тела и духа, главным образом благодаря тому, что его самосознание постигает себя как свободное, он вступает во владение собою и становится собственностью себя самого и по отношению к другим. Это вступление во владение представляет собою, наоборот, также и осуществление, превращение в действительность того, что он есть по своему понятию (как возможность, способность, задаток)» [7, с. 113].

Согласно одной из популярных точек зрения, достоинство определяется способностью человека претендовать на обладание гражданскими или моральными правами. По мнению современного американского философа М. Дж. Мейера, человечество имеет ценность в связи с публичной доступностью достоинства и достоинство имеет презентативный аспект, которым обладают не все термины ценности, что особенно заметно, когда люди занимаются деятельностью по отстаиванию своих прав. Таким образом, существует разница между тем, как человек выражает свое достоинство, и чувством достоинства человека. Первое сходно с общественным явлением, которое может быть либо подорвано, либо подчеркнуто отношениями личности с другими людьми. Второе, по мнению Мейера, является психологическим состоянием, сходным (но не идентичным) с самоуважением и связанным с ним понятием самооценки [8, с. 527]. Существо, обладающее достоинством, - это человек, обладающий правами, нарушение которых может привести к тому, что личность будет выражать (и ощущать) свое достоинство иначе; личность, обладающая человеческим достоинством, в основе своей самодостаточна; она, по крайней мере (в большинстве случаев), способна определять направление своей жизни. Мейер утверждает, что проявление достоинства личности может быть поставлено под угрозу в результате нарушения его прав другим человеком или неконтролируемых им желаний. Однако чувство достоинства, «того особого положения или ранга, которым обладает большинство человеческих существ, обязательно связано со способностью отстаивать свои права (чтобы личность не

оказался под контролем других людей) и осуществлять самоконтроль (чтобы личность не оказалась во власти своих желаний)» [8, с. 533].

В современной биоэтике версия Мейера о достоинстве играет центральную роль при решении юридических вопросов, таких как эвтаназия. Например, в Голландии закон 2001 года, разрешающий самоубийство с помощью врача, основывался на убеждении, что человеческое достоинство основано на выражении основных прав, включая право на достойную смерть. Одной из форм выражения ценности человека в культурном плане является право на достойную смерть. По словам голландского исследователя М. Буйзена, «голландская политика в области медицинской этики в целом глубоко пронизана этой идеей. Последние события в Нидерландах невозможно объяснить без правильного понимания той ключевой роли, которую она играет» [9, с. 323]. Другой известный голландский правовед Х. Леенен утверждает, что высшим проявлением человеческого достоинства являются права, которыми обладают представители человечества и которые капитулируют в конце жизни в «праве каждого «прожить» свой собственный жизненный план», а также в праве «выбирать собственные нормы и ценности в отношении собственной жизни, даже если они отличаются от общепринятых» [10, с. 38].

Аргументация Леенена в пользу права на смерть, основанная на достоинстве, которое выражает ценность человечности, отражает представление Мейера о достоинстве, который проводит различие между достоинством, которое не может быть умалено, и публичным выражением достоинства, которое может принимать различные формы в зависимости от поведения. В случае с эвтаназией право на эвтаназию как выбор в конце жизни указывает на то, что существует способ умереть без достоинства. Достоинство не является неприкосновенным, но с нормативной точки зрения общество должно защищать ценность человечности через надлежащий доступ к правам. Взаимосвязь между переживаниями индивида, когда его права нарушаются (скажем, в данном случае, когда ему не дают закончить жизнь так, как он бы выбрал), и негативным влиянием, которое это оказывает на публичное выражение его достоинства, исключает шаткость положения достоинства, которое основывается на правах. Однако взгляды, подобные взглядам Мейера (и продемонстрированные в голландском деле об эвтаназии), не позволяют обосновать, почему именно «большинство» человеческих существ обладает чувством достоинства (как пишет Мейер) и что именно заставляет «большинство», но не всех людей, обладать чувством достоинства. Акцентируя внимание на «проявлениях достоинства», а не на составляющих его элементах, Мейер допускает важные исключения в отношении того, кто может обладать (по крайней мере, чувством) достоинства.

Если достоинство – это просто выражение притязаний на права человека и их соблюдение, то при подавлении этих прав достоинство теряется. С другой стороны, если ценность человечности не может быть обоснована без притязаний на права человека, то трудно представить, как можно повлиять на достоинство таким образом, чтобы оно не было выражено. Наконец, если верно, что все люди обладают достоинством, но выражают его по-разному в зависимости от

обстоятельств (как утверждает Леенен), то удивительно, что нарушение прав может повлиять только на выражение достоинства, а не на чувство достоинства, которое испытывают люди.

Профессор Принстонского университета Ф. Петтит представляет другую версию взгляда на то, что достоинство относится к правам личности. По его мнению, достоинство принадлежит правообладателю и поэтому является тем, что может быть утрачено в процессе передачи опыта личностями и отмечает, что человек «сохраняет достоинство при обращении с ним другого только в том случае, если он сохраняет определенное господство над тем, как он ведет себя в руках другого: только если эта другая личность не волен делать с ним все, что ему заблагорассудится, или даже все, что требует какой-то благодетельный план» [11, с. 52]. Каждый моральная личность, по мнению Петтита, контролирует, какое поведение допустимо для других личностей, но люди, над которыми доминируют, «унижены своей уязвимостью», так что доминирование - это «страшное зло», которое «лишает человека способности добиваться внимания и уважения и тем самым его положения среди людей» [12, с. 52]. Таким образом, подчеркивает он, если кто-то пытается нарушить мое право, скажем, на частную жизнь, а я позволяю ему это сделать, то, подвергаясь доминированию, я отказываюсь от своего достоинства вместе со своими правами. Я становлюсь «всего лишь пешкой в предприятиях другого» и тем самым даю ему власть над собой. Лучшим вариантом является возможность для личностей «блокировать» определенные нарушения прав, чтобы их достоинство оставалось на месте.

Позиция Петтита уходит корнями в книгу американского политика и философа Дж. Файнберга (1926-2004) «Права, справедливость и границы свободы». Концепция достоинства, предложенная Фейнбергом, освещает версию Петтита, обосновывая человеческое достоинство способностью личности предъявлять требования к другим или от имени другого [13, с. 4]. Так, можно сказать, что человек обладает достоинством, значит заявить, что он потенциально может предъявлять претензии. Аналогичным образом, уважать достоинство человека означает уважать то, что он способен заявлять о своих правах, или то, что он потенциально может предъявлять моральные претензии. Напротив, если индивиды не способны требовать соблюдения основных прав, позволяющих другим личностям уважать их, то им «не хватает добродетели самоуважения, не говоря уже об уважении к другим» [14, с. 180]. Достоинство, таким образом, зависит не от того, заявляет ли человек о своих правах, а от того, сохраняет ли он способность делать это на протяжении всей своей деятельности.

Таким образом, привязывая ценность человечности к выражению прав, можно критиковать ее, утверждая, что достоинство должно предшествовать правам и что достоинство не может быть умалено, несмотря на нарушение прав. Конечно, это не означает, что посягательство на права человека не включает в себя посягательство на его достоинство; скорее, это указывает на то, что одной из причин морального отвращения к нарушениям прав является посягательство на человеческое достоинство. Однако ценность, которую квалифицирует достоинство, не должна означать того, что человек может потерять. Действия

могут причинять вред людям, но подобные отклонения лишь подчеркивают тот факт, что неправильные действия наносят ущерб несравненной ценности - человечеству. Унизительные действия нарушают эту ценность, но не могут ее уничтожить. Например, нарушения гражданских прав, которыми была пронизана большая часть истории Америки, отняли права у меньшинств и женщин, которых они коснулись. Это касается и современной эпохи развития общества США: «Американские политики, служащие интересам олигархов, постепенно утратили субъективную волю и объективную способность реагировать на основные требования простых людей и защищать основные права простых граждан, не смогли решить свои собственные структурные проблемы прав человека. Вместо этого они произвольно используют права человека как оружие для нападения на другие страны, создавая конфронтацию, раскол и хаос в международном сообществе, и препятствуя глобальному развитию прав человека» [15]. Однако они не могли уничтожить достоинства тех, кто подвергся посягательству, и, более того, произошедшее зло подчеркивает важность признания ценности (моральной или достоинства) всех людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nussbaum M.C. (2001) *Women and Human Development. The Capabilities Approach*. Cambridge University Press, 336 p.
2. Schachter, O. (1983) "Human Dignity as a Normative Concept" *The American Journal of International Law* 77(4). Pp. 848-854.
3. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. <https://www.ohchr.org/sites/default/files/cescr.pdf> Дата обращения 13.02.2022.
4. Feldman D. Human Dignity as a Value. Part I' (1999) *Winter Public Law*. Pp. 682-687.
5. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант; Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: «Мысль», 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – 544 с.
6. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.
7. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсеянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
8. Meyer, M. J. (1989). Dignity, rights, and self-control. *Ethics*, 99 (3). Pp. 520–534.
9. Buisen, M. (2010). Autonomy, human dignity, and the right to healthcare: A Dutch perspective. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, 19. Pp. 321–328.
10. Leenen, H. J. J. (1994). *Handboek gezondheidsrecht. Deel 1. Rechten van de mens in de gezondheidszorg [Textbook on Healthlaw., Part 1, Human rights in healthcare] (3rd ed.) (Vol. 3)*. Samson: Alphen a/d Rijn, p. 38.

11. Pettit, P. (1988). The consequentialist can recognise rights. *The Philosophical Quarterly*, 38(150). Pp. 42–55.
12. Pettit, P. (2002). Keeping republicanism simple: On a difference with Quentin Skinner. *Political Theory*. Pp. 339–356.
13. Feinberg, J. (1970). The nature and value of rights. *Journal of Value Inquiry*, 4, Pp. 243–257.
14. Feinberg, J. (1980). *Rights, justice, and the bounds of liberty*. Princeton: Princeton University Press, p. 180.
15. Доклад о нарушениях прав человека в США в 2022 году <https://russian.cgtn.com/news/2023-03-28/1640615722045648898/index.html> Дата обращения 30.01.2022.

НОМО COSMICUS КАК ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

**Беляев И. А., доктор философских наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Исследования, некоторые результаты которых изложены ниже, проводятся в течение ряда лет. Данное обстоятельство явилось причиной того, чтобы на настоящем этапе философского поиска обратиться к комплексу идей, выдвинутых и обоснованных не только другими авторами, но и нами, следствием чего выступила необходимость оформления ссылок на соответствующие работы.

Цель, которую мы стремились достичь на данном этапе изысканий, состояла в уточнении представлений о *Homo cosmicus* как человеке будущего. Стоит, правда, признать, что осуществляемый нами философский поиск генерирует едва ли не больше вопросов, достойных внимания специалистов, чем ответов.

О том, что человеку грядущей эпохи суждено освоить просторы Вселенной, прямо или косвенно заявляли многие исследователи, в том числе такие авторитетные мыслители XIX-XX вв., как представители русского космизма В. Ф. Одоевский [12], А. В. Сухово-Кобылин [13], Н. Ф. Федоров [14], К. Э. Циолковский [16] и др. Не оставляют без внимания космические перспективы человека и наши современники, в частности – О. А. Базалук [1], М. Ю. Журкин [4], А. К. Зайцев [5], В. Е. Игнатъев [6], А. В. Колесников [8], С. В. Кричевский [9], В. К. Нусратуллин [10], Ю. В. Хен [15] и др. Анализ доступного теоретического материала свидетельствует, с одной стороны, о наличии множества эвристически ценных для нашего исследования идей. С другой стороны, далеко не во всех случаях содержание этих идей соотносится друг с другом без сколько-нибудь существенных противоречий. Поэтому приходится констатировать следующее: теоретический базис для исследований, подобных нашему, имеется, но на сегодняшний день объявлять его вполне надежным и опираться на него без критической рефлексии преждевременно.

Квинтэссенциальным для нашего исследования выступает вопрос: «Можно ли признать ныне существующего человека *Homo cosmicus*?». Однако однозначно ответить на данный вопрос в его настоящем виде не представляется возможным по причине присущей ему неполной корректности. И главным свидетельством указанного обстоятельства выступает отсутствие четкого видения того, какой именно человек не только обретет статус *Homo cosmicus*, но и окажется способным выступить в ролях, соответствующих этому статусу. Поэтому, в рабочем порядке, разделим обсуждаемый вопрос на два составляющие его частных вопроса: 1) «Можно ли признать ныне существующего человека актуальным *Homo cosmicus*?» и 2) «Можно ли признать ныне существующего человека потенциальным *Homo cosmicus*?». А вот эти вопросы, надо полагать, признать корректными вполне допустимо.

Думается, что на первый из представленных вопросов следует ответить отрицательно. На второй же вопрос дать положительный ответ можно и, как мы полагаем, нужно; важно только не упускать из виду то, что конкретно-содержательное наполнение такого ответа явится, по необходимости, гипотетическим.

Таким образом, наши последующие рассуждения будут проистекать из представления о том, что современный человек – это потенциальный *Homo cosmicus*.

Человек многомерен, многогранен и дефинитивно трудноуловим. Вряд ли кто-то из исследователей всерьез усомнится в этом. Тем не менее, в философско-антропологических текстах встречается множество разнообразных синтаксических конструкций, призванных выступить если не как дефиниция понятия человека, то в качестве ее более или менее приемлемого паллиатива.

Включившись в процесс поиска ответа на вопрос «Что такое человек?», который, согласно, И. Канту [7], следует, де-факто, признать «основным вопросом философии», мы, в свое время, пришли к мысли о приемлемости трактовки человеческого существа как природно-социально-духовной целостности [3], континуумом системных свойств которой выступают способности и потребности [2].

Классики русского космизма и многие их современные последователи полагают вполне перспективной мечту о коренном преобразовании человеком самого себя с достижением способности не только совершать космические вояжи в пределах околоземного пространства, но и вести полноценную жизнь далеко от нашей планеты.

Так, согласно А. Л. Чижевскому, его учитель и друг Циолковский выдвинул идею «лучистого человечества» как наиболее совершенной формы материи, обладающей космическим сознанием [17]. Именно обретение лучистого состояния позволит человеку, по мысли основоположника теоретической космонавтики, стать подлинно космическим существом.

Современные авторы, фокус исследовательского внимания которых сосредоточен на космическом будущем человека, также полагают, что ему предстоит серьезно измениться, причем актором прогнозируемых изменений он, надо думать, призван выступить сам, а предполагаемым бенефициаром надлежащих процессов и их результатов – человечество в целом. В частности, приоритетным объектом изменений могут стать психика и/или сознание человека [1; 4], а также присущие ему этические ориентиры [5]. Думается, что изменения подобно рода неизбежны, а может быть, даже и желательны. Однако, наряду с этим, *Homo cosmicus* имеет шанс оказаться существом, нашедшем надежных партнеров в «искусственных достаточно полноценных существах, которые будут обладать и собственным “я”, и собственной психикой, и разумом» [8, с. 26], что позволит им не только заботиться о людях, принимая важное, подчас безальтернативно необходимое участие в их жизни, но и «в отдаленной перспективе колонизировать наиболее удаленные миры самостоятельно, образуя собственные очаги культуры и научного познания» [8, с. 26]. Специалисты не

исключают и реализацию проекта радикальной трансформации человека, результатом которого окажется, например, «Живое универсальное разумное существо, состоящее из сознания и тела-трансформера» [9, с. 41], то есть постчеловек, вовсе необязательно обладающий антропоморфностью.

Нет сомнения в том, что изменения, сутью которых явится человеко-машинный синтез, могут не только произойти, но и своим содержанием определить общий характер процессов освоения космоса возникшим постчеловеческим существом, сконфигурировать их стратегические, тактические и даже оперативные составляющие. Вот только сразу же возникает вопрос: «А будет ли это существо человеком?». Аналогичный вопрос напрашивается и применительно к предсказанному Циолковским «лучистому человечеству». Представляется, что и тут, и там человеческий статус субъекта, осваивающего космос, окажется более чем сомнительным. А если это так, то стоит задуматься о том, надо ли нам, людям, этого ожидать и к этому стремиться? Выработать однозначный, рационально обоснованный ответ на данный вопрос пока невозможно; для этого нет ни достаточной информации, ни должных целевых и критериальных ориентиров. Однако, если подойти к разрешению обозначенной когнитивной ситуации с эмпирико-интуитивных позиций, то весьма вероятным здесь окажется отрицательный ответ.

Переходя к рассмотрению отдельных деталей конструируемого образа *Ното cosmicus*, надо, как мы полагаем, прежде всего представить его в апофатическом измерении, то есть обозначить, разумеется гипотетически, некоторые из свойств, выделяемых посредством отрицания неприемлемого из того, что встречается в комплексе способностей и потребностей человека. После этого, согласно логике проводимого исследования, нам предстоит обратиться к катафотическому измерению и зафиксировать то, что имеет место в настоящем и, скорее всего, окажется, хотя бы в общих чертах, воспроизведенным в будущем.

Памятуя о том, что выше мы предложили трактовать человека как природно-социально-духовную целостность, вполне допустимым представляется дифференцирование его апофатических свойств на основании преимущественного проявления через них специфики одной из составляющей этой целостности: природной, социальной или же духовной. Стоит заметить, что понятия о выносимых на обсуждение свойствах сформированы нами в рабочем порядке. Соответственно, и перечень этих свойств, и использованные для их обозначения специально синтезированные термины нуждаются в конструктивной критике и совершенствовании с учетом ее содержания.

К свойствам, посредством проявления которых, как предполагается, будет раскрываться природное в *Ното cosmicus*, отнесены «телесная неуязвимость, гомеостатическая непоколебимость и психомоторная незамедлительность. Телесная неуязвимость представляет собой свойство, заключающееся в отсутствии склонности человеческого организма к частым и глубоким анатомически отражающимся нарушениям нормальной жизнедеятельности. <...> Гомеостатическая непоколебимость – это свойство, которое состоит в

отсутствии аномально острой реакции организма на изменения внешнесредовых условий существования. <...> Психомоторная незамедлительность предполагает отсутствие нарушений быстроты и точности совершаемых двигательных действий и операций» [11, с. 136].

Обнаружение социального в *Homo cosmicus* станет возможным, вероятно, через воплощение в жизнь таких свойств, как «устойчивая беззлобность, стабильная бесконфликтность и умеренный антиперфекционизм. Устойчивая беззлобность заключается в отсутствии склонности к проявлению враждебности и агрессии к другим людям и самому себе. <...> Стабильная бесконфликтность выражается в отсутствии навязчивости, грубости и упрямства в межчеловеческом взаимодействии. <...> Умеренный антиперфекционизм проявляется как отсутствие неконтролируемого сознанием стремления к предельному совершенству плодов чьей-либо деятельности» [11, с. 136-137].

Что же касается духовного в *Homo cosmicus*, то о нем, надо полагать, можно будет судить, в частности, по свойствам, в число которых допустимо включить «последовательную антиимитационность, эпизодическую недоступность и избирательную непричастность. Последовательная антиимитационность предполагает отсутствие готовности к отказу от самостоятельных действий в условиях высокой степени доступности образцов для копирования. <...> Эпизодическая недоступность состоит в отсутствии внутренних препятствий для уместного дозирования степени откровенности с партнерами на основе учета особенностей ситуации общения. <...> Избирательная непричастность являет собой свойство, обеспечивающее отсутствие затруднений, мешающих кардинальным образом регулировать степень вовлеченности в организацию и осуществление процессов духовной жизни окружающих людей и их групп» [11, с. 137].

Попытаемся представить *Homo cosmicus* в катафотическом измерении, то есть обозначить некоторые его ожидаемые особенности, выглядящие в наши дни важными, путем их непосредственного утверждения. Думается, что в интересующем нас существе ни объективно, ни субъективно не будет, а точнее, не должно быть ничего, что могло бы лишить его права и желания именоваться человеком и являться им в действительности. А что же следует здесь ожидать от человека, его организма, личности и души, и на что, во всяком случае, стоит надеяться?

Homo cosmicus, сохранивший изначально присущую ему природность, вряд ли сможет найти истинную и устойчивую гармонию своего организма со ставшим своим же внеземным внешнесредовым окружением. В этом отношении ему придется быть и оставаться подобием современного человека, пусть даже и неполным. Однако его природные отличия от известного нам жителя нашей планеты, которые совершенно неизбежно появятся, могут и должны оказаться только количественными, но ни в коем случае не качественными.

Современный нам человек уже сейчас, на Земле, пытается играть роли, которые, по-видимому, войдут в онто-социальный репертуар грядущего *Homo cosmicus*. С этими ролями и опытом, обретенным в процессе их исполнения,

человек сделает шаг в новую для себя реальность, будет строить и осваивать ее. И пусть не в тех же самых, но хотя бы в чем-то похожих на них вновь формирующихся ролях человек, успешно осваивающий просторы Вселенной, станет реализовывать себя как личность, то есть выстраивать взаимодействие с подобными ему существами.

Духовная сторона существования человека, покинувшего Землю, не станет сколько-нибудь заметно отличаться от того, что было и будет характерно для существования его прежнего собрата, находящегося на родной планете. Душа *Homo cosmicus* сохранит в себе все неотъемлемые черты душ его земных предков, то есть останется собственно человеческой. Она, соответственно, будет движима стремлением к Истине, Добру и Красоте, к освоению вершин и глубин бытия; опорой же в ее движении, как и в эпоху исключительно земной истории человечества, явятся Вера, Надежда и Любовь.

Завершая рассуждения о человеке космического завтра, рискнем заявить, что, во-первых, все, что было изложено, мы полагаем дискуссионным, призванным естественным образом породить вопросы, некоторая часть из которых была обозначена выше. И, во-вторых, ожидаемый и даже, пожалуй, долгожданный *Homo cosmicus* не придет внезапно и ниоткуда. Ему предстоит длительный путь становления. Но началось ли движение по этому пути здесь и сейчас существующего человека? Ответить на данный вопрос, гарантируя при этом точность заявляемого, весьма непросто. Определенно можно утверждать лишь то, что пока он только постигает и испытывает свои природные, социальные и духовные потенции, способности и потребности, приближаясь к своему будущему скорее наугад, ощупью, чем осознанно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базалук, О. А. Нейрофилософия о формировании планетарно-космической личности / О. А. Базалук // Ноосферные исследования. – 2015. – №1-2 (9-10). – С. 71-84. – EDN VPKJDB.
2. Беляев, И. А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И. А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 1(95). – С. 9-13. – EDN KVVUTZ.
3. Беляев, И. А. Человеческое существо как природно-социально-духовная целостность : особенности системной организации / И. А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 7(101). – С. 119-127.
4. Журкин, М. Ю. Экология сознания человека в космическом пространстве / М. Ю. Журкин // Colloquium-Journal. – 2019. – № 9-6(33). – С. 157-158. – DOI 10.24411/2520-6990-2019-10241. – EDN SJHRBK.
5. Зайцев, А. К. Этика космического бытия человека / А. К. Зайцев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8(127). – С. 26-30. – EDN RDVMNX.

6. Игнатъев, В. Е. Космическое измерение человека : некоторые аспекты онтологии / В. Е. Игнатъев // Вестник Омского университета. – 2012. – № 3(65). – С. 57-61. – EDN PGKSNH.
7. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям / И. Кант // Кант И. Трактаты и письма. – Москва : Наука, 1980. – С. 319-444.
8. Колесников, А. В. Космогенез. Становление человеко-машинной космической цивилизации будущего / А. В. Колесников // Воздушно-космическая сфера. – 2020. – № 4(105). – С. 18-27. – DOI 10.30981/2587-7992-2020-105-4-18-27. – EDN UFCNKA.
9. Кричевский, С. В. Космическое будущее человека и человечества : проблемы и перспективы / С. В. Кричевский // Философские науки. – 2013. – № 9. – С. 38-43. – EDN RKRCGR.
10. Нусратуллин, В. К. Космическое предназначение человечества и космическая формация его развития / В. К. Нусратуллин // Россия : тенденции и перспективы развития : Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 года. Том Выпуск 18 Часть 1. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 217-225. – EDN OKIMSZ.
11. Общество. Культура. Человек / Н. А. Балаклеец, И. А. Беляев, Е. П. Галкина [и др.]. – Тольятти : Институт судебной строительно-технической экспертизы, 2024. – 152 с. – ISBN 978-5-605-16698-6. – EDN RTXCLD.
12. Одоевский, В. Ф. 4338-й год : Петербургские письма / В. Ф. Одоевский. – Москва : Огонек, 1926. – 64 с.
13. Сухово-Кобылин, А. В. Учение Всемир : Инженерно-философские озарения / А. В. Сухово-Кобылин. – Москва : С.Е.Т., 1995. – 124 с.
14. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – Москва : Эксмо, 2008. – 751 с.
15. Хен, Ю. В. Природа человека в свете идеи космической экспансии / Ю. В. Хен // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2022. – № 13. – С. 24-31. – EDN EENOLB.
16. Циолковский, К. Э. Космическая философия : Сборник / К. Э. Циолковский. – Москва : ИДЛи; Сфера, 2004. – 496 с.
17. Чижевский, А. Л. Страницы воспоминаний о К. Э. Циолковском / А. Л. Чижевский // Химия и жизнь. – 1977. – № 1. – С. 22-32.

ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ГУМАНИЗМА

**Габдуллин И.Р., кандидат философских наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Сам термин гуманизм имеет определённые исторические предпосылки и конкретные исторические условия возникновения. Хотя есть разные точки зрения по этому вопросу. Уже у Цицерона используется понятия гуманизма (*humanitas*) как выражение высшего культурного и нравственного развития человеческих способностей, приобретающих эстетически законченную форму в сочетании с мягкостью и человечностью [3]. Термин же с закреплённым за ним определённым смыслом появляется в эпоху Возрождения и происходит от обозначенного выше латинского «*humanitas*» (человечность). В последнем историческом контексте гуманизм «отличает направленность на человека, формирование его моральных и духовных качеств. Человек начинает по-иному видеть себя и мир природы, изменяются его эстетические вкусы, отношение к окружающей действительности и к прошлому. Он стремится преодолеть рамки, сковывающие его инициативу, мешающие ему творить самого себя, преобразовывать внешний мир» [5]. Некоторые исследователи связывают гуманизм с так называемой концепцией «гуманистического активизма», утверждая при этом, что гуманисты Возрождения призывают человека жить своей собственной жизнью, активно и свободно реализовывать себя во всех сферах жизни [2]. Другие проводят параллель с русским космизмом и, соответственно, усматривают религиозный аспект гуманистического активизма, выделяя «условное понимание эсхатологических пророчеств Библии, как предупреждений и предостережений, обращённых педагогически к воображению и воле людей. Они говорят только о том, что случилось бы под условием человеческого неделания» [6].

Своеобразное и неоднозначное толкование гуманизма приобретает соотношение его со сферами политики и морали. Так, например, анализируя философско-политические взгляды Н. Макиавелли, некоторые исследователи считают, что категория гуманизма, возникшая в эпоху Возрождения и, безусловно, связанная с теологией, обосновывает такой подход, в основе которого лежит «оценка сочувствия к человеку, любовь исключительно Бога. Других категорий, таких как зло, тут нет. В начале было слово. Поэмы, литературные, филологические произведения. Позже обрело форму философии. Но сам термин появляется в 19 веке» [1]. Называя главным постулатом Макиавелли - эффективное управление государством, признается, что этот постулат является «наисовременнейшим». Выдвигается тезис о том, что гуманизм в политике не применим, поскольку эти понятия (политика и гуманизм) - антиподы [1].

Но к выше указанному тезису, суть которого в том, что гуманизм как некий моральный принцип, делает несовместимым политику и мораль, можно в рамках теоретической полемики можно интерпретировать и с других позиций. Так, можно рассмотреть гуманизм в абстрактном и конкретных смыслах, отнести к нему не как к принципу, но и как к оценочному суждению. Насколько универсален лозунг: «Цель оправдывает средства»? В политической философии макиавеллизма целью правителя должно быть достижение блага народа, а средствами допускаются применение жестокости и насилия. Но допущение это касалось ограниченной, меньшей части общества, аристократии и олигархии, а далее среди них лишь к тем, кто преследует свои чисто эгоистические интересы, следствием которых возникает нарушение самих прав на жизнь и благополучие подавляющей части населения. Допустим, стоит дилемма: к кому отнести более гуманно - к большинству или меньшинству? Но если при этом возможно решить эту дилемму только используя средства с точки зрения критериев общечеловеческой, «гуманистической» морали признаваемых как «антигуманные», то в любом случае ситуация заставляет выбирать из двух зол наименьшее. Другими словами, вопрос состоит не в том, что более гуманно, а в том, что менее антигуманно.

Таким образом, гуманизм бывает разный и для решения конкретных задач необходим плюралистический подход и понятию гуманизма. Есть теологический гуманизм, есть классовый гуманизм, есть гуманистический активизм и т.д. В этой связи хотелось бы привести некоторые примеры из известных авторов (источников) или исторических событий. Анализируя религиозные представления, З. Фрейд [7] писал, что судьба старой иллюзии заключается в том, что всегда связывали понимание добра и зла с нравственностью, которую проповедует религия. А человек должен быть нравственным на по тому, что он боится бога, верит в потусторонние силы. Руководствоваться надо такими ценностями независимо от этого. Гуманизм надо рассматривать как аксиологическую категорию - и только, иначе всякая попытка привести под одно основание, к одному знаменателю понимания оканчивается провалом.

Не мешало бы вспомнить и то понимание гуманизма, которое было в эпоху Просвещения, оказало огромное влияние на такое эпохальное событие, как Великая французская революция. Один из самых известных политических деятелей, организовавших Комитет общественного спасения, М. Робеспьер в одной из своих публичных речей пытался обосновать лозунг

"Террор как добродетель"[4]. Известны трагические последствия проведения в жизнь этого лозунга. Но разве не осталось достаточное количество людей, которые если не прямо поддерживают его, то как минимум сочувствуют и понимают? Но судя по средствам массовой информации, находятся даже те, кто оправдывает.

Но часто бывает, что когда рассматривается конкретная форма антигуманизма, ставшая фактически синонимом проявления бесчеловечности, то на первом плане борьба с этим явлением, а желание понять представляется второстепенным, необязательным, поскольку «всем все ясно» с очевидностью.

Но это очевидно каждой стороне «по-своему». Если стороны конфликта руководствуются диаметрально противоположными ценностными ориентациями, то каждая из сторон будет находить аргументы в пользу «своей» гуманности, находя подтверждение в практике. Соответственно, будут проявляться взаимные обвинения в антигуманизме. Здесь вступает в силу принцип «двойных стандартов». Так, например, до сих пор является неразрешенной проблема обвинения и оправдания сторонников «белого» и «красного» террора. В современных геополитических противостояниях обретают реальность только временные компромиссы. Во времена инквизиции основным способом искоренения ереси - *аутодафе* («без пролития крови») считалось сожжение на костре в силу его «большой гуманности». Представления о гуманизме в разные эпохи развития человеческой цивилизации различались весьма серьезно. Сейчас довольно трудно представить, но такая «машина смерти» как гильотина появилась на свет из самых гуманных соображений. Жозеф Гильотен посчитал, что наиболее гуманным по отношению к приговоренным к смерти способом казни является отсечение головы, поэтому предложил создать механизм, который будет лишать людей головы и жизни быстро и безболезненно. То есть вопрос о самом лишении жизни преступника, как проявлении антигуманизма, вообще не ставился.

Это ещё раз подтверждает во-первых, большую реальность не абстрактного, а исторически-конкретного гуманизма, а, во-вторых, что гуманизм это всё-таки больше оценочное суждение, а не общечеловеческий принцип. Видимо, поднимая здесь проблема всегда будет дискуссионна, то есть относится к кругу тех проблем, которые называются алгоритмически неразрешимыми в когнитивных рамках, но всегда переходящие по этой причине в аксиологическую сферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоптарева И.Б. Станет ли гуманизм императивом XXI века // Credo. Оренбург. 1999. № 3.
<https://web.archive.org/web/20220616083419/http://credonew.ru/content/view/134/51/> (дата обращения: 07.04.2024).
2. Горбатов В. Гуманизм эпохи Возрождения. Гуманистический активизм. URL: <https://levelvan.ru/pcontent/gumanism-6/activism> (дата обращения: 07.04.2024).
3. Мейдер В. А. Гуманистические идеалы Цицерона // Logos et Praxis. 2006. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanisticheskie-idealy-tsitserona> (дата обращения: 07.04.2024).
4. Робеспьер М. О принципах политической морали. Доклад 5 февраля 1794 г // Робеспьер М. Избранные произведения. М.: Наука. 1965. В 3-х томах. Т. 3. С. 106-122.
5. Софронов И.А. Понятие гуманизма // Экономика и социум. №6 (49) 2018. 1129-1131.

6. Флоровский Г. Пути русского богословия. URL:
<https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3034?ysclid=lukukacxv6855992704>. (дата обращения: 07.04.2024).

7. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. URL:
http://www.bibikhin.ru/budushee_odnoy_iluzii (дата обращения: 07.04.2024).

УНИВЕРСИТЕТ КАК СУБЪЕКТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕПУТАЦИИ

Давлетшина Е.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет», г. Челябинск

Относительно не так давно в информационном пространстве появился и активно используется термин «академическая репутация», объектом которой «может выступать как индивидуум в лице научного сотрудника, преподавателя, аспиранта, студента, так и социальный институт в лице учебного учреждения или научного издания» [11, с. 2116]. Понятие вышло далеко за пределы собственно академических кругов и привлекая к себе внимание, став одним из показателей успешности/неуспешности не только отдельного исследователя или научного коллектива, но даже организаций, регионов, территорий и государств [9; 10]. Появляется механизм формирования академической репутации, которая фиксируется общественным сознанием как оценочное восприятие научно-исследовательской активности того или иного высшего учебного заведения или научно-исследовательской организации, их инфраструктуры для осуществления научных исследований и востребованности результатов данного вида деятельности [1; 2]. Постепенно академическая репутация формирует свой собственный дискурс, становясь объектом различных научных исследований, и в зависимости от социокультурного контекста, приобретая различные оттенки интерпретации. Так или иначе академическая репутация связана с доверием к науке, которая прочно вошла в жизнь современного человека и общества [6; 15]. Организация даже повседневной деятельности предполагает использования результатов научных достижений (бытовые приборы, средства транспорта, мобильные гаджеты и т.п.).

Существенным образом изменяется характер научной деятельности и ее организации – от исследователя-одиночки, уединившегося в своей лаборатории, к коллективу на «фабрике знания» в составе транснациональной корпорации. Все эти изменения мира науки исследователи прочно закрепили, в ставшем популярном, термине – «мегасайенс», означающем «науку больших научных коллективов, работающих с дорогостоящим научным оборудованием, которое требует колоссального вложения финансовых средств и людских усилий не только для его создания, но и для поддержания его функционирования, для реализации исследовательских программ, обработки данных и обнародования полученных результатов» [12, с. 4]. Субъект науки претерпевает существенные количественно-качественные трансформации – он становится все более сложно-структурированным и «авторски-коллективным», что подтверждается междисциплинарностью и географией исследований, а также нарастанием стратегии «коллективного авторства» публикаций в ведущих научных журналах [5].

Одним из серьезных субъектов науки был и остается университет, объединяющий под своими сводами представителей научного сообщества и организующий их деятельность. Занятия исследованиями продиктованы самой природой университета [13]. Вырастая из сообщества преподавателей и студентов, создававшегося с целью обучения и образования, он постепенно становился местом не только хранения и тиражирования знания, но и его производства. Современный университет стал специализированной исследовательской индустрией мысли. Важную роль в реализации этой стратегической линии и выработке ее тактического рисунка играет академическая репутация университета.

Феномен академической репутации громко «заявил» о себе в аспекте усиления конкурентной борьбы между вузами и разворачивания индустрии коммуникации в конце XX столетия [8; 14]. Начались попытки формирования критериев измерения, относительно которых дискуссии остаются открытыми по настоящее время. Появилось значительное число всевозможных рейтингов и потенциал квалиметрии оказался довольно часто противостоящим этике науки. Обладатель академической репутации вынужден доказывать ее теперь не столько качеством и востребованностью результатов научных исследований, сколько возможностью войти в тот или иной рейтинг. Иными словами, началась борьба за создание имиджа академической репутации, который все больше и больше диктовал свои правила организации жизнедеятельности университета, являя собой один из способов материализации символического капитала [16]. Бесспорно, благодаря академической репутации современный университет фиксирует и закрепляет свой статус, определяющий его престиж на рынке далеко не только образовательных услуг, что предоставляет ему возможность становиться партнером как академического сообщества, так и бизнеса, и государства.

Фактически, академическая репутация – атрибут университета. Меняя формы, она сохраняет свое главное содержание – цель и ценность научного знания. Именно они – основополагающий компонент академической репутации. Несмотря на многочисленные подходы к определению цели и ценности науки, есть в них во всех общая черта – они во многом предзадаются конкретно-историческим социокультурным контекстом динамики социума, определяются субъектом исследования и позицией исследователя. Обусловлено это тем, что университет, являясь пространством личностной и профессиональной социализации ученого, не может в полной мере предоставить ученому свободу выбора вектора научных изысканий, предлагая всего лишь своего рода матрицу для их организации. Хотя общепризнанной целью науки выступает выработка научных знаний, их систематизация и стремление к постижению истины, а ценностью науки – «служение» человеку и обществу. Академическая репутация, следовательно, должна их генерировать и аккумулировать. Однако, она оказывается во многом зажатой в тисках экономико-политических установок на получение социально-практического эффекта, ориентированного, преимущественно, на коммерциализацию знания и извлечение прибыли от его

внедрения. Под давлением рынка университет определяет направления академической деятельности. Более того, он вынужденно встраивается в систему бюрократии через освоение новых форм деятельности, таких как патентование интеллектуальной собственности, лицензирование, создание фирм, инкубаторов, технопарков, обучение предпринимательству и т.п. Несмотря на силу академических традиций, университет ведет предпринимательскую деятельность, что вынуждает вступать в противоречие с ней этой научной деятельностью, т.к. усиливается зависимость результатов исследований от требований конкретного заказчика или условий публикации в ведущих журналах и их коллективизм [4; 7].

Вместе с тем, эти новации в деятельности университетов значительно усиливают потенциал его академической репутации, поскольку современный университет активно вовлечен в социальную реальность, являясь одновременно ее и объектом, и субъектом. Неизбежные процессы транзита социума предполагают и процессы естественной и неизбежной эволюции классического университета в предпринимательский [3]. При этом отказ от академических ценностей в пользу предпринимательских не будет способствовать ни университету, ни его академической репутации. Поэтому необходима их интеграция, что позволит развиваться самому университету от академического капитализма к академическому лидерству. Академическая репутация – инструмент формирования представлений о социальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев, А. Л. Академическая и публичная репутация вуза: приоритеты, методы и инструменты управления [Текст] / А. Л. Абаев, А. Г. Голова // Коммуникология. – 2022. – Том 10. № 4. – С.131–142.
2. Абрамов, Р. Н. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа [Текст] / Р. Н. Абрамов, А. А. Кожанов // Социология науки и технологий. – 2015. – Т. 6. № 2. – С. 45–59.
3. Антонова, Н. Л. Академическая репутация университета как фактор лидерства на глобальном образовательном рынке [Текст] / Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 29. № 6. – С. 144–152.
4. Гайгер, Р. Л. Знания и деньги. Исследовательские университеты и парадокс рынка [Текст] / Р. Л. Гайгер. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2018. – 408 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-1222-7.
5. Галисон, П. Коллективный автор [Текст] / П. Галисон // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 93–111.
6. Зеленков, А. И. Наука как ценность в обществе риска [Текст] / А. И. Зеленков // Философские науки. – 2021. – Т. 64. № 5. – С. 93–111.
7. Кларк, Б. Р. Создание предпринимательских университетов. Организационные направления трансформации [Текст] / Б. Р. Кларк. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. – 240 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-1997-4.

8. Коллини, С. Зачем нужны университеты? [Текст] / С. Коллини ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. – 264 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-1324-8.

9. Крюкова, Ю. Е. Репутация: этимология понятия и поиск социально – философских оснований анализа. К постановке проблемы / Ю. Е. Крюкова // Пространство и Время. – 2015. – № 3(21). – С. 134–137.

10. Крюкова, Ю. Е. Этапы формирования и последующего развития проблем репутации: социально-философский анализ [Текст] / Ю. Е. Крюкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2016. – № 4. – С. 20–36.

11. Крюкова, Ю. Е. Социальные нормы в обществе как неотъемлемый фактор формирования и оценки репутации индивида [Текст] / Ю. Е. Крюкова, Г. В. Сорина // Профессиональное образование в современном мире. – 2018. – Т. 8. № 3. – С. 2113–2119.

12. Масланов, Е. В. Коллективный субъект научного познания: мегасайенс, гражданская наука, контрэкспертиза [Текст] / Е. В. Масланов // Философия науки. – 2020. – № 3(86). – С. 3–14.

13. Ньюмен, Дж. Г. Идея университета [Текст] / Дж. Г. Ньюмен. – Минск : БГУ, 2006. – 208 с. – экз. ISBN

14. Павлова, Н. Б. О роли университета в современном обществе // Общество: философия, история, культура [Текст] / Н. Б. Павлова. – 2020. – № 6 (74). – С. 53–56.

15. Прилукова, Е. Г. Доверие к науке: читая Бруно Латура [Текст] / Е. Г. Прилукова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 8 (442). Философские науки. Вып. 57. – С. 87–92

16. Прилукова, Е. Г. Время симуляции ценностей [Текст] / Е. Г. Прилукова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 3. – С. 133–136.

ДУХОВНАЯ ИМИТАЦИЯ

Закирова Т.В., кандидат философских наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Духовность – сила, которая побуждает человека к нравственному очищению и возвышению, обогащению его внутреннего мира, укреплению воли, целостности убеждений, пробуждению совести. Это критерий жизненных ценностей и убеждений личности.

Суть духовности раскрывается не через какие-то абстрактные философские понятия, а посредством простых, понятных каждому истин. Любовь к земле и Отчизне, родителям и детям, родственникам и соседям, верность нашему независимому государству, уважение к людям, вера, память, совесть, красота. Все это – определяющие и многозначные аспекты понятия «духовность».

Подчиненность тела духовной природе и единство этих начал – это и самое сложное в духовной жизни, и самое главное. Понимание законов аскезы и подвижничества хотя и важно, но это только начало. Здоровье телесное – величайшее благо, но тело очень часто не является нашим союзником. Болезнь – это скорбное состояние, но разлад духа с телом всегда не менее тяжело переживается христианином. Тело не только подвержено болезням, но, говоря образно, чрезвычайно уязвимо для стрел лукавого. Оно очень трудно поддается «дрессировке», именно «духовной дрессировке». Иногда оно вдруг берет власть над духом так ошеломляюще неожиданно, что все интеллектуальные схемы разлетаются в пух и прах. Вот это и значит, что не размышления важны, не рассудок, а подлинный ум Христов и знание Бога. Важна личная Встреча с Богом.

Разумеется, святость – понятие многогранное и обширное. Свят только Бог. Но, видимо, подлинная встреча и любовь к Богу дают силы подчинять тело духу. Всё это, конечно, очень трудно систематично описать. Но, видимо, созерцательность – это один из способов встать на правильный путь. Но идти по нему невозможно, если нет смирения. Срыв и сбой в движении – только от потери смирения. И, конечно, это «схождение с рельсов» сразу порождает имитацию духовной жизни. Появляются суррогаты поста, молитвы, и других добродетелей. Но Бог милосерд. И Он наш Помощник. Подлинная духовность и созерцательность – это выход за пределы самого себя. Но, с другой стороны, духовность является не только способностью соотнестись с Абсолютом, но способностью глубокого и внимательного отношения к самому себе. Встреча с Богом происходит внутри человека.

Нам известно, что иерархия нашей личности – это взаимодействие духа, души и тела. Парацельс говорил, что лишь вершина человека – это человек. Вершина человека – это дух. Через него он вступает в союз с Духом Божиим. Понять и воспринять окружающий нас мир возможно только через Бога и в Боге.

Бог одновременно и далек, и близок к нам. Здесь надо понимать, что и присутствие самого Бога в нас есть неотъемлемая данность. Распознав это присутствие в себе, мы познаем и мир, который сотворен Богом, и который содержится Им. В этом мироощущении мы достигаем сопresутствия Богу и творению. Это познание и единство возможно лишь в отдаче себя иному бытию, которая осуществляется через Любовь. Внутренний человек создается ориентацией на духовный смысл и стремлением к надмирным ценностям. Руководство влечениями и привязанностью к наслаждениям лишают человека его исключительной человечности.

Если личность обусловлена только наслаждением, то она сама по себе подвергается в некотором смысле растворению. Через это персональное нивелирование происходит и потеря человеком ощущения окружающей реальности, которая в его глазах утрачивает ценность. Одним словом, сама реальность жизни утрачивается. Самоосуществление и становление личности возможно исключительно в общении с Богом и через Него в благодатном принятии творения. В этом взаимодействии главным для личности является самоотдача, служение и жертва. Только через эти вещи можно обрести себя или иными словами прийти к самому себе настоящему. Пасхальное зачало из Евангелия от апостола Иоанна Богослова провозглашает: «В начале было Слово. Все через Него начало быть. В Нем была жизнь». Сын Божий, Бог Слово или Логос. Логос – смысл и основа бытия. И если Он не будет целью жизни, а целью будет душевно-телесное самоощущение, замешанное на удовольствии, тогда существование зайдет в тупик. Направленность души к надмирному – залог полноценного самоосуществления.

Гёте считал, что личность – это подвижный порядок. Наша психофизическая, видимая и проявляющаяся в мире субстанция является фундаментом или костяком для душевного преобразования и последующего духовного вознесения разумом и сердцем к Богу. Выбор за человеком. Будет ли им двигать биос, или он будет сам двигаться к Логосу. Существование человека и общества всегда двояко. Это раскрывалось и в богословских диспутах, которые вел святой Григорий Палама. Существование личности одновременно статично и динамично. Личность – это и субстанция, и энергия. Взятые воедино, они составляют бытие как таковое, определяющееся горизонтальными и вертикальными принципами. Таким образом, умное делание – способ и принцип каждодневного существования, ибо в жизни нет мгновения, которое было бы лишено присутствия Бога. Наши практические действия, во-первых, это очищение сознания, очищение мыслей, очищение желаний. Из Евангелия мы хорошо помним, что все действия выходят из сердца человека. Нам ясно из этого, что понятие сердца в религии тождественно сознанию и душе. Потеря гармонии в мыслях влечет разлад всей внешней жизни. У святых отцов это называется отходом благодати. Обо всем вышесказанном есть хорошие обобщающие строки русского поэта Евгения Боратынского:

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;

Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышления.

Чтобы сдвинуть себя с мертвой точки, нужно иметь мужество. Но не для того оставить греховные страсти, чтобы начать выполнять церковные правила – это осуществится, если будет проведена внутренняя работа и она не менее трудная, чем внешние усилия. Но без нее никакие внешние усилия не принесут плода. Требуется действительно мужество, чтобы принять новые установки. Наши ориентиры: смирение, терпение, алчба и жажда праведности. Страх Божий может быть объяснен как внимание к своей внутренней жизни, дабы не стать противником так чаемому нами Господству Святого Духа в нас.

Наши действия на этом пути: принять невзгоды как воздаяние за отпадение от истинного пути, согласиться с обстоятельствами жизни, хорошие или плохие – они все одинаково проходят. Желать только высшего, не прилепляться к временному и проходящему. Следить за соответствием наших внешних деяний внутреннему высокому принципу. Сохранять соответствие внутренним идеалам – внешних поступков, которые утверждают нас в вечности и вырабатывают добрый навык.

Цель всего вышеперечисленного – не накопление сверхдолжных заслуг, не победа отвлеченной духовности над условной телесностью. Святоотеческая аскеза не провозглашает борьбы с телом. Целью полагается победа духа над плотью. Это слово описывает не внешнюю природу человека, а силу сопротивления, ибо богомзданное тело должно стать обиталищем Святого Духа.

Благие качества и устремления – в крови и плоти народа. Высокая духовность, присущая его природе, вот уже на протяжении веков бережет нас. Несмотря на известные истории невзгоды, предки не теряли самосознания и соблюдали принципы духовности и нормы нравственности, стремились к совершенству. Их великий пример показателен и вселяет в нас, современников, силу и надежду. Это особенно важно в условиях глобализации, когда обостряющиеся конфликты и информационные войны несут с собой в том числе угрозы для духовности.

Осознать суть духовности – значит познать истинную природу человека, его сущность. На протяжении веков люди стремились понять, что такое душа, почему мы испытываем эмоции: плачем, смеемся, любим...

Размышления о духовности воистину неисчерпаемы. Каждый рассуждает о ней по-своему, по-разному представляя ее значение. В философской и художественной литературе можно найти десятки и сотни определений. Не отрицая их и не вступая в спор, можно предложить следующее определение, которое подтверждается историей и современными реалиями:

Духовность – сила, которая побуждает человека к нравственному очищению и возвышению, обогащению его внутреннего мира, укреплению воли, целостности убеждений, пробуждению совести. Это критерий жизненных ценностей и убеждений личности.

Суть духовности раскрывается не через какие-то абстрактные философские понятия, а посредством простых, понятных каждому истин. Любовь к земле и

Отчизне, родителям и детям, родственникам и соседям, верность нашему независимому государству, уважение к людям, вера, память, совесть, красота. Все это - определяющие и многозначные аспекты понятия «духовность».

Большинство людей в мире считают честность высшей добродетелью, а созидательный труд – своим кредо. Именно такие личности сохраняют, возвышают и укрепляют данное понятие. Священные писания, наследие великих мыслителей, народная мудрость призывают к честному труду, восхваляют мужество и милосердие, скромность и щедрость. Именно высокая культура позволяет с честью преодолевать трудности, не терять человеческий облик. Однако можно встретить и тех, кто стремится к богатству любыми путями, оправдывая алчность и стяжательство псевдонравственными формулами: «Не пойман - не вор», «Виноград ешь, а чей виноградник - не спрашивай».

Нелегко сделать правильный выбор между этими двумя жизненными позициями, противоположными мировоззрениями. Чтобы помочь осознанно пойти по честному и чистому пути, быть выше корысти, наш мудрый народ веками возвращал в детях приверженность высокой духовности. Ведь она – бесценное сокровище и главное богатство, которое обеспечивает баланс: спасает в момент трагедии и укрепляет волю в дни невзгод. Богатый внутренний мир формирует целостность убеждений народа, играет роль своего рода спасательного круга в сложные периоды.

Наглядным подтверждением тому выступает история народа. В стране сохранились чистота языка, национальное самосознание и неповторимая ментальность. Наша история убедительно доказывает: духовность – купол, защищающий великое прошлое, и фундамент, на котором строится достойное будущее.

Народ нельзя представить в отрыве от его истории, обычаев и традиций, жизненных установок и ценностей. Благодаря достижениям последних лет очистились родники отечественной культуры, получили второе дыхание духовные ценности предков. На этой земле в разные времена жили и творили великие ученые, политики и полководцы, чьи достижения стали составной частью глобального общечеловеческого достояния.

Особую гордость вызывают образцы устного народного творчества и древние письменные памятники: тысячи рукописей, в которых представлены великие произведения литературы, книги по морали, философии, медицине, математике, минералогии, химии, астрономии, архитектуре и другим наукам.

По-прежнему актуальны названные в ней критерии совершенного человека: добрая мысль, доброе слово, доброе дело.

Духовный мир нашего народа разнообразен, всестороннее изучение такого ценного богатства - почетная обязанность и долг всех граждан страны.

Необходимо отметить одну важную деталь. Дело в том, что наличие в нашей истории столь незаурядных героев – своеобразный феномен, чрезвычайно уникальное явление, которое выступает духовным богатством не только нынешнего, но и грядущих поколений, дает народу ни с чем не сравнимую духовную поддержку.

Вместе с тем нужно осознавать еще одну истину: история и наследие - составляющие части культурного кода, нашего достояния. Для формирования всесторонне развитой гармоничной личности нужны и другие столпы. Так, в воспитании подрастающего поколения сегодня огромное значение имеет семья.

Еще одним важным фактором, непосредственно влияющим на формирование духовности, является система образования и воспитания. Уже сегодня мы убедились в плодотворности инициатив, в том числе в сфере образования. Об этом свидетельствует пример учащихся профессиональных колледжей, высших учебных заведений, созданных за последние годы и ведущих свою деятельность по инновационным программам, выпуская молодых специалистов, имеющих все условия и возможности для трудоустройства и построения успешной карьеры. В результате формируется новое поколение, способное использовать имеющийся потенциал, применять передовые технологии.

Да, грандиозная по масштабу и значению деятельность, ведущаяся в последние годы, реализация намеченных целей, создание новой жизни стали прочной основой духовного развития молодежи, всего народа. Но полностью оценить значение проделанной работы можно будет только с течением времени, когда свои места в государственных организациях, учебных заведениях, на разного рода предприятиях займут сегодняшние студенты – высокообразованные и духовно богатые личности.

На протяжении веков горячие дискуссии вызывал вопрос, необходима ли для достижения счастливой жизни гармония материальных и духовных основ. На эту тему всегда были и будут разные взгляды, а споры продолжаются по сей день.

Неоспоримо одно: в научном наследии древних философов и знаменитых мыслителей, представителей эпохи Возрождения проблеме отношений между духовным и материальным отводится большое место. Противостояли друг другу идеи материализма и идеализма. Однако было бы неправильным и односторонним противопоставлять материальные потребности духовным и отдавать преимущество тем или другим. Для сознательной жизни два этих мира так же необходимы, как парящей в небе птице нужны оба крыла.

Об этом свидетельствуют позитивные результаты экономического прогресса, достигнутые за последние годы при безусловном воздействии и влиянии духовных ценностей, поддержке наследия наций и народностей. И снова видим: развитие одного направления не сказывается тлетворно на другом. Наоборот, наблюдаемый скачок в изучении зарубежных языков пришелся на период огромных успехов в деле распространения государственного, а льготы для ремесленников и массовых производителей позволяют обеим группам комфортно вести бизнес в разных сегментах рынка.

История свидетельствует: народ, решивший построить сильное и стабильное государство, для объединения людей на пути решения великих задач основной опорой для себя считает единство экономического роста и свершений в сфере культуры, непрекращающееся развитие во всех отраслях.

Важно помнить, что конечная цель осуществляемых в настоящее время широкомасштабных реформ – создание достойных условий для жизни народа. А

важнейшая задача, стоящая перед современниками, заключается в том, чтобы в центре всей проводимой духовно-просветительской и воспитательной работы оказались такие составляющие национальную идею принципы, как совершенствование личности и совершенный человек, социальное партнерство и межнациональное согласие, религиозная толерантность, которые должны быть подняты на новый уровень. Необходимо воспитывать молодежь со зрелым и осознанным мировоззрением.

Вопрос формирования духовности граждан, воспитания в молодежи верности Родине, патриотизма играет немаловажную роль и в заложении фундамента новой жизни и обновленного общества.

Потому данная тема имеет для страны чрезвычайно актуальное значение. Из чего должна состоять основная работа в сфере духовности и просветительства? В первую очередь необходимо обратить внимание на корни национальной культуры, духовного богатства многонационального населения. Эти сокровища собирались по крупицам в течение веков и выдержали испытание временем, служили поддержкой человеку в самые тяжелые времена. Наша обязанность – беречь их как зеницу ока.

Другая сторона вопроса – укрепление материально-технической базы учреждений просвещения и культуры и проблема кадров, работающих в сфере. Следует усилить внимание к ученым и творческим работникам, ибо именно они создают и изучают духовные богатства, определяя тем самым уровень развития общества.

Не стоит забывать и про духовное воспитание подрастающего поколения с чувством высочайшей ответственности, потому что нам необходима молодежь, которая станет достойной преемницей духовности. Ведь все чаще в интернете, на экранах телевизоров, в кино можно заметить пропаганду безнравственности, элементов чуждой нам культуры.

Поэтому так важно учить детей с ранних лет понимать, что же такое истинная ценность, какое творчество несет свет и просвещение, а какое - лишь яркая обертка, пустышка.

Интересовать действительно культурных, начитанных и высокодуховных людей могут лишь идеи и понятия, полностью соответствующие мечтам и стремлениям людей сегодняшнего и завтрашнего дня, требованиям времени. Расширяя посредством таких сведений свой кругозор, обогащая внутренний мир, каждый гражданин сможет осознать ценность пройденного пути со всеми успехами и победами, потерями и жертвами, радостями и заботами.

Надо возыметь смелость дать в церкви свободу, в том числе свободу слова и мысли, и не карать за разногласия. Не нужно бояться, что появится много разных пониманий устройства церковной жизни и много непохожих, а может, в чём-то и разногласных форм. Формальное единообразие молитвенных чинов, епархий и приходов не мешает там пышно цвести ветхому законничеству, магии и язычеству. Надо дать возможность церкви развиваться, а не просто повторять буквально во всём зады практики XVIII–XIX веков: в молитве, устройстве прихода, этикете и так далее. Часто это приводит только к имитации духовной жизни и угасанию у людей веры, в том числе у священников.

Для церкви важно усвоить опыт новомучеников, их умение отбирать только подлинное, самое важное, без чего жить со Христом и во Христе нельзя. Обращение к их опыту неизбежно заставит отказаться от всего, что способствует клерикальной экклезиологии, которую надо осудить как ересь. Так же как ересь, нужно и на словах, и на деле осудить без всяких экивоков церковный фундаментализм и модернизм, то есть секуляризм. Под фундаментализмом я понимаю современное фарисейство, бездвижничество, попытку строить церковную жизнь, жёстко опираясь только на какие-то устаревшие якобы традиционные формы благочестия, догматизируя не имеющие никакого отношения к церковной жизни слишком частные и частичные толкования канонов, писаний и даже таинств и догматов. Под модернизмом понимается мной нынешнее саддукейство – отрицание церковной традиции, подлаживание её под дух мира сего, неумение определить, оценить и унаследовать святость евангельского опыта жизни прежних поколений христиан. А то у нас модернизмом иногда называют всякое обновление церкви, включая обновление Духом Святым! Фундаментализм и модернизм – два проявления секуляризма, и они, как вы понимаете, легко перетекают друг в друга и цветут как среди мирян, так и в клире, и в иерархических кругах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюков, В. В. Философия [Текст]: учебник для вузов / В. В. Крюков. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 182 с.
2. Тюгашев, Е. А. Философия [Текст]: учебник для вузов / Е.А. Тюгашев. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 252 с.
3. Шаповалов, В. Ф. Философия [Текст]: учебник для вузов / В. Ф. Шаповалов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 596 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА В ЕГИПЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Заплатин Вадим Евгеньевич, студент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Завьялова Галина Ивановна, кандидат философских наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Введение. На протяжении многих тысячелетий ум человека занимают попытки познать окружающую его действительность – от всего, что есть на земле, включая его самого, до объектов, еще совсем недавно находившихся за пределами всякой досягаемости, – небесных тел и пространства, в котором они движутся. Человек и его бытие занимали и продолжают занимать одно из центральных мест в философии. Первые попытки осознать своё положение в мире и на этой основе создать определённые концепции, пусть и весьма примитивные, несомненно, предпринимались еще до зарождения философии как науки. Детали самых первых подобных представлений для современного человека навсегда останутся нераскрытыми ввиду отсутствия в то время главного инструмента фиксации информации - письменности. Поэтому все попытки понять систему, в которой первобытный человек себя мыслил, основываются на различного рода реконструкциях, главную роль в которых играют косвенные источники. Так, пролить свет на общие положения, касающиеся воззрений первых людей, могут археология, антропология и лингвистика. И благодаря данным, накопленным за долгие десятилетия развития этих дисциплин, можно с определенной уверенностью утверждать, что такие концепции очень тесно переплетались с мифологией, сопровождающей человека с доисторических времен. С появлением и развитием письменности (III тысячелетие до н. э.) ситуация меняется, и в нашем распоряжении оказываются бесчисленные труды, посвященные разного рода рассуждениям о человеке, его связи с этим и потусторонним миром. Однако, изначально письменность служит чисто практическим целям: человек ведет хозяйственный учет, и ему нет никакой необходимости фиксировать то, что и без того достаточно успешно передаётся в устной традиции; но в определенный момент всё меняется, мифология получает своё законное место в литературных памятниках древнего мира и по мере их накопления, происходит эволюция человеческих воззрений. В процессе такого развития концепции становятся более сложными и абстрактными, а также предпринимаются первые попытки объяснить то, что лежит за пределами эмпирического опыта.

В этой статье на примере древнеегипетских концепций о человеческом существе, а также взглядов и идей античных философов на природу человека, мы бы хотели рассмотреть то, как древние представления о человеке и его месте

в мире сменяются более современными, привычными взглядами, берущими своё начало в античной философии; в самых общих чертах проследить развитие взглядов, касающихся человека и его онтологии.

Материалы и методы исследования. Материалы, послужившие опорной точкой для проведения настоящего исследования, были взяты из следующих монографий: «Человек и его двойник» А. О. Большакова; «A Study of the Ba Concept in Ancient Egyptian Texts» Л. В. Жабкара [10]; «Middle Egyptian: An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs» Дж. П. Аллена [7]. Нами также были проанализированы труды античных философов (Аристотель, Платон), посвященные проблематике человеческой души.

В настоящей работе были использованы метод теоретического анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Нет никаких сомнений в том, что в основе античной философии лежат те воззрения и традиции, которые были присущи представителям более ранних цивилизаций. Для того, чтобы провести анализ между этими двумя, сперва нам следовало бы рассмотреть то, как была устроена природа человека в представлении последних на примере системы, сложившейся у древних египтян.

В течение всей письменной истории Древнего Египта, представления египтян о человеке и его сущности, безусловно, менялись. Так, на более ранних этапах развития таких взглядов некоторые свойства бытия были присущи только царям, и последующее распространение таких воззрений на простых людей происходит лишь с течением времени в процессе переосмысления и демократизации религиозных взглядов.

Систематизировав информацию, дошедшую до нас из источников, относящихся к различным периодам истории древнего Египта, можно утверждать, что у каждого человека было пять составляющих, без которых его существование мыслилось невозможным [7, с. 99].

Первой, видимой и осязаемой частью было человеческое *тело*, служившее внешней оболочкой, способной взаимодействовать с внешним миром. Самой важной частью тела было сердце, которое являлосьместилищем мысли и эмоций. Об истинных функциях мозга египтянам было ничего не известно, как, собственно, и античным авторам (Аристотель, например, считал, что функцией мозга было охлаждение крови [2, с. 70]). Тело представляло собой важную составляющую человека не только при жизни, но также и после смерти, – именно по этой причине египтяне стремились уберечь его от пагубного воздействия окружающей среды, подвергая, таким образом, мумификации. В отсутствии тела невозможно было представить существование усопшего в загробном мире, поскольку такое потустороннее бытие было неразрывно связано с существованием тела в физическом мире.

Второй составляющей человека была его *тень*. В представлении древних египтян она заключала в себе нечто от владельца, поскольку каждое тело её отбрасывало, и она, таким образом, являлась его неотъемлемой частью. По этой причине статуи богов и людей иногда назывались их «тенями». [7, с. 99]

Одной из самых сложных для восприятия современного человека концепций являлась *ба*. Этим термином можно описать всё то (за исключением внешности), что делает человека уникальным, – его характер и темперамент. [7, с. 100] Такое предположение основывается на примерах употребления однокоренного слова *бау* (bAw) в значении «внушительность». Согласно современным трактовкам *ба* имеет нематериальную природу, и на русский язык это понятие переводится как «душа». В представлении египтян это была сущность, способная к свободному перемещению, например, она могла покидать мумифицированное тело и пребывать в мире живых – поэтому *ба* изображался в качестве птицы с головой человека (ср. изображение души или духа в образе птицы, характерное для христианской традиции). На начальных этапах развития этой концепции египтяне полагали, что *ба* могли обладать только цари и боги, и такими *ба* были как небесные тела (солнце, луна, звезды и созвездия), так и природные явления (например, ветер – *ба* бога ветра Шу). Похожую концепцию можно наблюдать у Платона, который говорит о том, что звезды – это вечносущие божественные существа [5, с. 442]. На наш взгляд, в этой связи так же необходимо обратить внимание на взгляды Аристотеля, который утверждал, что душа напрямую связана с функцией (целью по Аристотелю) одушевленного существа. Таким образом, он приводит пример, в котором утверждает, что если бы глаз был живым существом, то его душой (проявлением) была бы возможность видеть [1, с. 93].

Некоторые исследователи, однако, находят невозможным переводить термин *ба* как «душа», опираясь на то, что во времена христианизации Египта при переводе богословской литературы на коптский язык (последняя стадия развития древнеегипетского языка) для обозначения «души» использовался термин *2uḥ* (от др.-греч. ψυχή) *псюхе*, а не ожидаемое *ба* [10, с. 48]. Однако, на наш взгляд, такая замена могла быть обусловлена и чисто стилистическими предпочтениями, когда греческая терминология представлялась более возвышенной и более подходящей для религиозной литературы (однако, не стоит также обходить стороной то, что Гораполлон, автор сочинения о египетских иероглифах (IV век н. э.), был одним из первых, кто ассоциировал *ба* с душой). Однако, следующим аргументом в пользу того, что *ба* не является душой в современном её понимании является то, что египтянам, по всей видимости, был чужд внутренний дуализм, при котором нематериальная душа противопоставлялась материальному телу. Она воспринималась как неотъемлемая часть человека, взаимозависимая с телом (даже после смерти), с разрушением которого последняя также переставала существовать. Примером такой взаимозависимости может быть то, с каким усердием египтяне старались сохранить тело умершего человека и/или (как будет рассмотрено далее) любое упоминание о нем – будь то изображение или хотя бы имя. По мнению американского египтолога Л. Жабкара, в египетских представлениях о человеке не было места дуалистическому взгляду на человеческую природу подобно тем, что находили свое отражение в философии Платона, гностиков и представителей

схоластической философии. Он рассматривал египетскую концепцию человека в качестве *монистической* [10, с. 113].

До сих пор остается загадкой, является ли ба способом существования человека после смерти, его персонифицированным альтер эго, дарующим человеку возможность жить полной жизнью после смерти или же это сущность имманентная человеку в период его земного существования. Таким образом, есть две гипотезы касательно того, что считать моментом начала существования ба, – момент рождения или момент смерти.

Л. В. Жабкар прослеживает взаимозависимость ба и тела человека, в особенности после момента смерти. Так, в изречении 304 Текстов Пирамид говорится: «Мой ба со мной, ему не покинуть меня», а в изречении 333 сказано: «не будет ба мой отстранен от моего тела, и не быть мне лишенным [возможности] пить из потока» [10, с. 109]. Таким образом, мы лишним раз убеждаемся в том, что для египтян было чем-то невообразимым полагать, что после смерти ба будет существовать независимо от тела и для нее больше не будет никакой необходимости быть связанной с ним.

Но есть и другие примеры, которые изображают ба в качестве самостоятельной, отдельной от усопшего сущности. Так, в 125 главе Книги Мёртвых, где описывается суд над умершим, бог Тот говорит следующее: «Я исследовал сердце усопшего, пока ба стояла в качестве свидетеля», т. е. ба, по мнению Л. В. Жабкара, является здесь одновременно и самим усопшим, и сущностью, отдельной от него, являясь, таким образом, свидетелем процесса взвешивания сердца [10, с. 147]. Это хорошо иллюстрирует виньетка, сопровождающая текст: на ней изображен суд над усопшим; сам покойный стоит в стороне вместе со своей женой, а его ба находится в непосредственной близости к весам, являясь, как уже было замечено ранее, свидетелем и в некоторой мере альтер эго усопшего.

Подводя краткий итог, мы можем сказать, что ба представлялся чем-то вроде самостоятельной, отдельной от усопшего сущности, являясь, таким образом, его альтер эго. Ба принимал участие в суде над усопшим, но не являлся самим усопшим, чье сердце взвешивалось на весах истины. Следовательно, усопший мыслился как сущность, продолжающая существование своего физического, земного тела, тождественная ему.

Другим немаловажным элементом человека являлся *ка*, – то, что современные ученые понимают как «жизненную силу». Именно она отличает человека живого, от мертвого. Такое толкование основывается на однокоренном слове *каw*, которое приблизительно можно перевести как «энергия». Данную концепцию, хотя и весьма условно, можно сравнить с аристотелевским понятием *энтелехии*, формы (в аристотелевском понимании) тела, – силой, «которая приводит мышление из возможности к действительности» [1, с. 121], а именно то, благодаря чему, например, из грецкого ореха вырастает дерево.

Есть и другое, отличное от первого, понимание этой концепции, базирующееся на том, что *ка* не изображался в какой-либо характерной художественной манере, как, например, ба (в виде птицы с головой человека).

То, как выглядит ка, внешне ничем не отличалось от самого человека. Поэтому этот термин также переводят как «двойник». В пользу такого утверждения может говорить и то, что это понятие записывалось знаком, изображающим две одинаковые руки (ka) [7, с. 101].

В представлении древних египтян ка начинал своё существование с момента рождения человека, и пока тот жил, он никак себя не проявлял. Однако после смерти момента смерти ка начинает выполнять очень важную функцию: переселяясь в изображения человека, он продолжает жить, питаясь энергией от пищи, которую подносили в гробницу усопшего [3, с. 89]. Это – один из ключевых моментов мировоззрения древних египтян: даже после смерти, усопшему было необходимо питаться для того, чтобы благополучно существовать в загробном мире. Именно по этой причине в гробницах мы видим бесчисленное количество изображений и статуй усопшего – все они, являются его копиями, двойниками, вместилищем его ка. В философии Аристотеля необходимость питания имеется только пока человек существует, поскольку оно (питание) «сохраняет сущность питающегося, которая существует до тех пор, пока питается» [1, с. 115]. Под сущностью, Аристотель понимал и материю, и форму, и их единство – то есть питание было необходимо как материальному телу, так и его *форме* (душе). Последней, однако, это было необходимо лишь по причине неразрывной связи с материей в физическом мире, а не ради продолжения своего существования в мире трансцендентном. И здесь можно сделать вывод о том, что представления египтян были весьма материальными, привязанными к физической действительности: ведь даже после смерти человека, было совершенно необходимо поддерживать его загробную жизнь посредством питания. Для этих целей, обеспеченные египтяне организовывали заупокойные культы, служители которых «кормили» усопшего посредством подношений пищи в гробнице. Однако, с течением времени (и осознания того, что невозможно на протяжении хоть сколько-нибудь продолжительного отрезка времени поддерживать культ усопшего человека) реальные подношения пищи сменялись формальными – египтяне прибегали к помощи списков пищи и подношений, адресованных усопшему, которые мы обнаруживаем на многочисленных дошедших до нас стелах [3, с. 50]. В качестве примера такого формального подношения можно привести текст со стелы Себекхотепа, датируемой временем правления XIII дин.: *«Жертва, которую даёт царь и Осирис... даёт он возглашение [списка] хлеба и пива, быков и птиц, - всякой вещи хорошей, чистой, в которой живёт бог, для ка Себекхотепа»* [9, с. 147]. С наличием такого инструмента было достаточным огласить такой список (то есть проходящий мимо человек мог прочитать его вслух), и усопший получал все необходимое, и, более того, сам ка мог видеть такой список, и получать необходимую пищу, «читая» его [8, с. 14], [3, с. 51-52]. В философии Платона и схоластиков, невозможно найти что-то подобное, поскольку душа перестает мыслиться как нечто, привязанное к материальному, нуждающееся в питании. У Аристотеля также трудно найти хоть какую-нибудь обеспокоенность касательно невозможности существования духа после смерти в отсутствии его кормления,

несмотря на его материалистические взгляды. Но последние касались скорее существования человека в мире физическом, и, как уже ранее упоминалось, по Аристотелю в питании нуждается скорее тело, которое, в свою очередь, неразрывно связано с душой. Тело – это орудие души, которое необходимо питать, поскольку посредством него действует душа и сознание. После смерти душа покидает тело и соединяется с эфиром [4, с. 41] и ей совершенно не важно, что будет происходить с телом впоследствии. Если же мы сопоставим все вышеизложенное с воззрениями Платона, то обнаружим то, что, по его мнению, душа – бессмертная сущность, никаким образом не зависящая от тела после отделения. Также она существовала до того, как появилось тело, то есть имела предвечный характер бытия [6, с. 300]. Все это не может не наталкивать на мысль о том, что ко времени становления античной философии концепции о человеческой природе приобретают более абстрактный характер – невозможно сравнить душу, с чем-то материальным, присущим физическому миру несмотря на то, что некоторые предшественники Аристотеля и Платона, а именно Демокрит и Левкипп, утверждали, что душа — это очень тонкая материя, подобная огню, – множество шаровидных атомов, которые видны в солнечных лучах и способны проникать через узкую щель [1, с. 40]. Также все они сходились во мнении, что душа – это нечто в высшей степени подвижное и своё движение она сообщает телу. Бессмертность души также объяснялась её постоянной подвижностью – одним из сторонников подобного взгляда был Алкмеон [1, с. 47]. И в этой связи мы не можем не сравнить способность ба к свободному передвижению и её облик в виде птицы, как символ этой способности. Аристотель, однако, опровергает подобные представления, утверждая, что душа движет тело не собственным движением, а некоторым решением или мыслью [1, с. 56].

Подводя итог, можно сказать, что ка, по всей видимости, был неотъемлемой частью людей и богов, выступал в роли жизненной силы до и после смерти человека. Особенно велика его роль после смерти – ведь ка, являясь двойником покойного, продолжает питаться и поддерживать таким образом существование усопшего. Однако, нет каких-либо достоверных сведений, касающихся того, имели ли животные ка – хотя они так же, как и люди, рассматривались египтянами в качестве живых существ. По этой причине было бы невозможным проводить здесь сравнение концепций животной души в представлении египтян и Аристотеля, однако, выглядит уместным вкратце охарактеризовать последнюю. Так, Аристотель утверждал, что животные обладают душой, но она по своим способностям отличается от души человеческой, и ключевым отличием является отсутствие способности к размышлению [1, с. 99]. Данная концепция весьма логична и понятна, поскольку строится на непосредственном наблюдении за поведением людей и животных. Для древнеегипетских воззрений на этот счёт можно предположить о существовании нечто подобного, однако такую гипотезу невозможно подтвердить хоть сколько-нибудь достоверными сведениями.

Последней, но не менее важной частью человеческой природы в представлении древних египтян было *имя*. Для них оно играло гораздо большую роль, чем для современного человека, являясь такой же неотъемлемой частью, как и четыре предыдущих. В сущности, любое изображение, снабженное именем, даже то, что выполнено в самых общих чертах и не передающее индивидуальные особенности внешности человека, являлось двойником, обеспечивающим его существование в загробном мире [3, с. 128]. Более того, имя, записанное иероглифами в сопровождении знака-определителя в виде мужчины или женщины, также наряду с изображениями человека могло являться вместилищем его ка. По этой причине состоятельные египтяне тратили много усилий и ресурсов на то, чтобы увековечить свои имена на разнообразных памятниках. Также именно поэтому древними египтянами время от времени практиковалось уничтожение имен врагов и людей неугодных, поскольку такое действие не просто предаст человека забвению в этом мире, а лишает его возможности существования в мире потустороннем [7, с. 101]. Мы уже обсуждали это ранее, когда рассматривали необходимость наличия различного рода статуй и изображений усопшего для того, чтобы тот мог продолжить жить после смерти. Таким образом, мы снова можем заметить, что египтяне не мыслили жизнь потустороннюю без связи с миром физическим. Огромное значение здесь играет и то, как долго человека будут помнить, рассматривая его изображения или читая его имена на памятниках. В сущности, прочитав рассматривавшийся выше пример формулы подношения усопшему, мы, с точки зрения древних египтян, снабдили ка Себекхотепа всем необходимым и помогли усопшему обрести силу, необходимую для существования в загробном мире. Для современного человека, такие воззрения могут показаться абсолютно нелепыми и лишёнными всякого смысла, однако не следует забывать о том, что древний человек не мыслил теми категориями, которыми мыслим мы и которые для нас являются совершенно привычными и не требующими какого-либо углубленного рассмотрения. Для людей, живших в те времена, было совершенно логично то, что если человек умирает, и с течением времени не остается никого, кто мог бы вспомнить о нем, то такого человека и вовсе никогда не было: ни раньше, ни сейчас.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что основоположниками концепции души, в каком виде мы понимаем её сегодня, являлись Аристотель и его предшественники. Они одними из первых начали рассматривать душу как нечто нематериальное и не до такой степени связанное с телом, как это делали представители более ранних цивилизаций, в частности древние египтяне. По мнению египтян душа являлась сущностью нематериальной, но настолько связанной с физическим телом или посмертными изображениями усопшего, что гибель последних означала и гибель души. Аристотель также предлагает рассматривать душу, как нечто неотделимое от тела, однако в его концепции для души нет никакой надобности в теле после смерти, оно являлось лишь её орудием и оболочкой, посредством которой она могла взаимодействовать с физическим миром. В одной из своих глав Аристотель идет еще дальше,

уподобляя тело (а если быть точнее – кожу) среде, посредством которой происходит восприятие тактильной информации душой. Также можно проследить, как схоластические воззрения о душе наследуют более ранним идеям времен античности и старше: изображение души в виде птицы и её понимания как нечто предвечного, движущего и неразрушаемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель, О душе / Аристотель. – М. : РИПОЛ классик, 2022. – 260 с.
2. Аристотель, О частях животных / Аристотель ; [перевод с греческого, вступительная статья и примечания В. П. Карпова]. – М. : Биомедгиз, 1937 – 219 с.
3. Большаков, А. О. Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства / А. О. Большаков. – СПб.: Алетейя, 2001. – 288 с.
4. Ждан, А. Н. История психологии: Учебник / А. Н. Ждан. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
5. Платон, Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Платон, Пер. с древнегреч. ; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1994. – 654 с.
6. Платон, Диалоги. Апология Сократа / Платон ; [сборник, перевод с древнегреческого]. – Москва : Издательство АСТ, 2023. – 352 с.
7. Allen, J. P. Middle Egyptian: An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs / J. P. Allen. – Cambridge University Press, 2014. – 599 p.
8. Hodjash, S., Berlev, O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts / S. Hodjash, O. Berlev. – Moscow : Aurora Art Publishers, 1982 – 300 p.
9. Sethe, K. Erläuterungen zu den Ägyptischen Lesestücken. Text des Mittleren Reichs / K. Sethe. – Darmstadt, 1960 – 167 S.
10. Žabkar, L. V. A Study of the Ba Concept in Ancient Egyptian Texts / L. V. Žabkar. – Chicago, The University of Chicago Press, 1968 – 177 p.

АРХАИЧЕСКОЕ И ЦИВИЛИЗОВАННОЕ НАЧАЛО В РЕТРОСПЕКТИВНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГЛИФОВ СЕВЕРНОЙ АВСТРАЛИИ)

**Кабылинский Борис Васильевич, доктор философских наук, профессор
Институт политических исследований (Белград, Сербия)**

Основной смысл материала, излагаемого в статье, следует интерпретировать с учетом содержания трех базовых понятий, которые фигурируют в названии материала. Первое понятие. Архаическое начало, перефразируя А.В. Лосева, это особый тип сознания, руководствующийся только своими мифическими представлениями, уверенный в объективности своих мировоззренческих построений ввиду отсутствия альтернативы даже на уровне возможности. Иными словами, архаическое сознание не знает критицизма, не исследует причины и результаты явлений в картине мира, но фокусируется только на самих предметах и результатах. [1]. Второе понятие. Цивилизованное начало, согласно методологии Г. Лебона, изложенной в его трудах «Психология народов и масс», а также «Психология социализма» [2], можно охарактеризовать как результат длительного формирования специфической коллективной ментальности. Этот процесс развернулся во времени и пространстве под влиянием социальных, политических институтов, верований, искусств. Надо сказать, что эта форма, то самое цивилизованное начало сперва проявлялась как душа народа и затем – душа нации. Таким образом, здесь можно уточнить, что в диалогах и спорах о цивилизованности следует иметь в виду сложный, многогранный и многофакторный народный характер. Третье понятие. Культура, по Э. Гуссерлю, означает intersubъективный мир, существующий для всех и доступный каждому в своих объектах, то есть трансцендентальное «Мы» становится субъективностью для этого мира, а также для мира людей, в форме которого она объективно осуществила сама себя [3]. Итак, необходимо показать сочетание архаического начала, конфронтационного и гармоничного, в культуре прошлого и настоящего. Поскольку данная тема чрезвычайно обширна и многообразна, заявленную цель следует уточнить и конкретизировать.

Во-первых, категорически неверно полагать, что цивилизованное начало выше культурного в ценностном или статусном плане. Времена, когда аристократ ходил в оперу, буржуа в оперетту, а рабочий в трактир, что вполне соответствовало вертикальной иерархии культуры XIX века, нелепо транслировать в современных культурных реальностях и утверждать, например, что рок-концерт посещают менее духовные или цивилизованные люди, чем завсегдатаи балетного театра.

Во-вторых, большое заблуждение состоит в том, что архаическое сознание предшествовало цивилизованному, было вытеснено или переросло себя, получило развитие, изменилось в соответствии с общей логикой антропологического развития.

В-третьих, совершенно неразумно утверждать, что в мире культурного многообразия есть универсальное лекало, шаблон, например, европейские ценности и стандарты, которые должны вытеснить любую альтернативу, привести дифференцированный мир к единому знаменателю.

С учетом вышесказанного, в рамках данной статьи постараемся выбрать и рассмотреть культурную форму, в которой архаическое и цивилизованное сознание гармонично сосуществовали, по крайней мере до недавнего времени. В качестве такого примера можно выбрать наскальные рисунки или петроглифы Австралийской Северной Территории. Необходимо уточнить, что речь пойдет исключительно о тех культурных объектах, которые сохранились на территории национального парка Какаду (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО № 147). Данная культурная форма существовала в истории, сохранилась до наших дней и является примером гармоничного сосуществования архаического и цивилизованного начала.

Прежде всего, надо сказать, что формы самовыражения в культурных объектах на территории Северной Австралии отличаются многообразием. Например, встречаются сюжеты, на которых изображены прародители, некогда создавшие землю, растения, людей и зверей. Эти мифические предки не перемещались в пространстве традиционным способом, но странствовали по маршрутам потустороннего мира в особенной разновидности вымышленного времени, которое в науке именуется «временем сновидений», хотя термин неточный и правильнее вести речь о «вечном времени», в котором не только жили мифические герои, но и где они продолжают находиться по сей день при условии, что потомки создают для этого репродуктивные условия на уровне мыслей или актов творения [4]. Далее, архаические австралийцы изображали героев, которые научили людей ремеслам в незапамятные времена. К таким образам относится Инджуванджува, особенно почитаемый за то, что даровал людям навыки рыболовства. Затем следует упомянуть человека-молнию. Этого персонажа сюжетов наскальной живописи можно определить по его внушительной фигуре, выдающемуся детородному органу, линиям на заднем плане (это и есть символическое обозначение молний), также на рисунке непременно присутствует топор, который и вызывает своими ударами бурю и непогоду. Очень важный образ – Радужный змей, безусловно, присутствует в наскальной живописи Какаду, потому что данное мифическое создание является одним из самых популярных на австралийском континенте [7]. Радужный змей – покровитель шаманов, лекарей, небесной и водной стихии, а также – плодородия. Наконец, стоит упомянуть Человека-Кенгуру и Человека-Летучую мышь, которые изображаются всегда в динамике (как правило, на бегу с копьем или бумерангом), в уменьшенном размере на фоне более крупных людей-охотников. Надо сказать, что голова кенгуру и летучей мыши в паре с человеческим телом на рисунке не всегда различимы, так как изображаются очень похожим способом.

В заключение следует подчеркнуть, что некоторые сюжеты в австралийской наскальной живописи отражали классическое архаическое

сознание и со временем изжили себя, утратили актуальность (люди-кенгуру, люди-летучие мыши), но другие образы вроде духов-странников или радужного змея сохранили значение в современном фольклоре, изображались до 60-х годов XX века, меняли свое значение в символическом плане, но сохраняли центральную позицию в мировоззренческой картине мира. Очень важно понимать, что современный абориген, рисуемый на скале радужного змея, безусловно цивилизован в сравнении с архаическим предком, он является частью души своего народа, но в то же самое время он вызывает к жизни предков, помогает им продолжить путь вне пространства и историзма, так что здесь проявляется чистая форма архаического сознания. При этом гармония архаики и цивилизации отражает аксиологическую, мировоззренческую установку свободного, занятого повседневными делами, но живущего достойно и гармонично человека, так что вполне может расцениваться как философский идеал гуманизма XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Гуссерль Э. Картезианские размышления. / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – Спб.: Наука, 1998.
2. См.: Лосев А.Ф. Этика как наука. – Человек. № 2.1995 – С. 96.
3. Лебон Г. Психология масс. – Питер. 2017. – С. 68.
4. Бернс А. Наскальное искусство аборигенов в национальном парке Какаду. – Норс Сайенс Принт. – С. 14-15.
5. Мелроуз С. Хронология и периодизация наскальной живописи в Северо-Австралийском регионе. – Изд-во Сиднейского университета. – С. 132.
6. Паттон Б. Австралийские культы божества-демиурга в архаическую эпоху. – Юниверсити Юнити Вью. Сидней. – С. 67.
7. Кейтридж У. Фольклор и быт аборигенных народов Северной Австралии. – Дарвин Пресс. Дарвин. – С. 12.

ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АСПЕКТЕ

Карабаева Карлгаш Дияровна, к.ф.н.,

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

Идентичность для каждого человека, малой или большой социальной группы, страны в целом является значимым основанием, которое определяет самосознание, мироощущение, модель поведения, а также конструирование своего будущего существования.

Среди множества идентичностей территориальная идентичность (региональная и государственная) является наиболее фундаментальной, т.к. территориальная идентичность определяет характеристики жизненного мира человека, а именно: уровни политико-правового, духовно-культурного, а также социально-экономического качества жизни. На современном этапе общественного развития в силу объективно сложившихся условий, среди которых следует отметить усиливающиеся процессы регионализации, информационного хауса, трансформации мировой политической системы территориальная идентичность базируется и на содержательных признаках региональной идентичности.

В отечественной науке нет единого подхода к определению понятия «региональная идентичность». Однако большинство исследователей рассматривают данный феномен как «региональное сознание», а именно, осознаваемые и переживаемые ценности, смыслы конкретной локальной общности, формирующие самосознание группы или индивида. Региональная идентичность также включает в себя соотнесение личности с социальной общностью конкретного административно-территориального образования субъекта РФ. Таким образом, в структуре региональной идентичности присутствуют объективные и субъективные элементы. Первый элемент предполагает наличие региональных интересов и ценностей, которые реализуются в политической и социально-экономической субъектности. Второй элемент представляет собой самоотождествление индивида, осознание его когнитивных механизмов и интересов, формирование межличностных связей.

Региональная идентичность в социальных науках рассматривается также как вид социальной идентичности и, следовательно, подразумевает отождествление личности с конкретной социальной общностью (М.Вебер, Ф.Теннис, А.В.Лубянов, Г.В.Золина, А.Ю. Завалишин). Современные авторы выделяют внешние факторы, оказывающие влияние на формирование региональной общности [1]. Среди которых можно указать: системные модули организации, внедренные в повседневные практики органов власти; целевые алгоритмы управления; медиапотoki распространения социально-значимой информации [2].

Не следует смешивать понятие «региональная идентичность» с понятием «идентичность региона». Второе понятие, как правило, используется для выделения особенностей природы, культуры, образа жизни жителей в региональном маркетинге, государственном управлении и районировании с целью отличия одного региона от другого. В основном в литературе выделяются социальные компоненты региональной идентичности. Однако на наш взгляд, актуальным является обращение к политическому элементу региональной идентичности.

Политическую региональную идентичность можно определить как принятие и осознание принадлежности регионального сообщества к более масштабному (мега) уровню идентичности – государству. При этом политическая региональная идентичность сохраняет в себе свои региональные особенности (традиции, культуру, уровень экономического развития, национально-этнические характеристики и т.д.). Политическая региональная идентичность может быть выражена через различные формы, такие как политические партии, общественные движения, национальные и этнические организации, которые, как правило, призваны отстаивать интересы региона и его жителей. Политическая региональная идентичность может также проявляться в форме региональных выборов, где избиратели голосуют за кандидатов, представляющих их интересы и ценности.

Важно отметить, что политическая региональная идентичность не всегда является однородной и единой для всех жителей региона. Она может различаться в зависимости от социального и экономического статуса, уровня образования, возраста и других факторов. Однако, несмотря на это, политическая региональная идентичность находится в русле общефедеральной политической традиции и стратегии развития в различных сферах государственного регулирования. Примечательным является использование в российских нормативно-правовых актах последнего десятилетия понятия «российская нация». Данное понятие представляет собой отражение конструктивистского подхода к определению сущности «идентичности».

В правовом и политическом общественном сознании применяется также понятие «российский народ». По содержательным характеристикам данные понятия являются близкими по смысловому значению. Так, например, в федеральной Стратегии государственной национальной политики в качестве целей выделены: а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов; б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) [3]. В Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 - 2030 годы также выделено понятие «российской нации». Так, например, в Указе главы государства отмечена задача «содействия расширению участия творческих казачьих коллективов в мероприятиях, направленных на укрепление единства российской нации, сохранение и развитие культуры народов Российской Федерации» [4]. В

концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом также встречается понятие «российской нации» и «российский народ»: «Российская культура во все исторические эпохи была символом России и российской нации»; «Несмотря на сложный исторический путь России, ее культура всегда объединяла российский народ» [5].

Примечательным также является Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором используется понятие «общероссийской гражданской идентичности». Так, например, в Указе дано следующее определение, «традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [6].

Конструирование общегражданской идентичности происходит посредством включения идентичностей региональной и этнической как взаимодополняющих компонентов. Соотношение данных компонентов – важный индикатор современных общественных процессов, имеющий особое значение для федеративного государства в котором гуманитарный вектор развития должен определять курс будущего развития. Таким образом, на современном этапе развития российского государства, региональная идентичность выступает одним из ключевых показателей консолидации и солидарности населения страны в реализации государственной политики, направленной на сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, единство многонационального и многоконфессионального согласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зелетдинова, Э. А. Региональная идентичность и теория фреймов: опыт социологического анализа : монография / Э. А. Зелетдинова, В. В. Дьякова. — Астрахань : АГТУ, 2022. — 108 с. — ISBN 978-5-89154-728-5. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/322922> (дата обращения: 21.05.2023).

2. Золина Г.Д. Регион как социальная общность в медиакоммуникативном измерении // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 (140). 2014 – С.244-248.

3. Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс // Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=8L6BOg&base=LAW&n=312941&dst=100270&field=134#eVQh0fTVmWfXxXDL>

4. Указ Президента РФ от 09.08.2020 N 505 "Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 - 2030 годы // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс // Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=0F8EB9481450A5C9057D4D36E1FA2A65&mode=fullsplus&BASENODE=1-1&ts=80oEueTErYiigzAG1&base=LAW&n=359568&rnd=2Qykqw#vTeLueTu5pqXFxb>

5. Указ Президента РФ от 05.09.2022 N 611 "Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом" // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс // Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=0F8EB9481450A5C9057D4D36E1FA2A65&mode=fullsplus&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&ts=80oEueTErYiigzAG1&base=LAW&n=429243&dst=100026&rnd=2Qykqw#e6PLueTVi8RXR3mP>

6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс // Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=80oEueTErYiigzAG1&cacheid=7366C5B5F508A66ADD2EFB4C3B6D8F4A&mode=splus&rnd=2Qykqw&base=LAW&n=430906#brHc0fT1gmPnyK57>

7. Указ Президента РФ от 26.04.2016 N 200 (ред. от 10.09.2021) "О премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства Российской нации" (вместе с "Положением о премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства Российской нации") // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс // Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=80oEueTErYiigzAG1&cacheid=0F8EB9481450A5C9057D4D36E1FA2A65&mode=splus&rnd=2Qykqw&base=LAW&n=395156#XKhHueTql2tlCOLM>

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЙ В ИСКУССТВЕ И УТОПИИ КАК БАЗОВОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

**Коломиец Г.Г. , доктор философских наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет», г.Оренбург**

В настоящее время целесообразно обратиться к идее универсального символизма, проявленной в искусстве и утопических проектах разных времен и народов, где есть полезная для современного человеческого существования истина. Способность к символическому мышлению всеобща. На этом качестве человеческого разума можно выстраивать культурные отношения и на этом строится символическая философия искусства, которая требует переосмысления художественных процессов в условиях многополярного мира. А как мы знаем, искусство стимулирует стремление к пониманию и может выступать мягкой силой в социальных, культурных, политических связях.

Сложность вопроса состоит в том, что символ как «знак», связан с каким-либо образом, предметом, и существует в бесконечных интерпретациях, он является источником смысла, толкований. Символ как бы играет смыслами, но в пределах своего предмета. Этим как раз отличается искусство, в котором художественный образ иносказателен, символичен, неоднозначен.

Философия символизма ярко заявила о себе еще в Новое время. Так, задумав исследование по всеобщей антропологии, Гумбольдт обратился к системе символов, и, следовательно, к языку, знаку, искусству, полагая, что это является базисом движения человечества к всеобщему идеалу, включая все людские типы и расы, поскольку в символизме находят место всечеловеческие интересы и ценности, определяющие во многом человеческие отношения [1]. Символы сохраняют свой след в речи и особенно присутствуют в искусстве и утопических идеях.

Следует сказать, что в понимании значимости символизации сработала подсказка И.Канта, которая заключается в том, что человеческому разуму априори присуща эстетическая идея, которая может делать, то, что недоступно рациональной идее, в этом отношении они обе важны и равны, ведь фантазия силой интуиции ведет разум к возвышению. Об антропологической природе всеобщего символизма говорили Э. Кассирер, А Уайтхед, С. Лангер и другие. Кассирер подчеркивал, что искусство является высшей ступенью символизации и делает человека человеком в высшем значении этого слова. Альфред Уайтхед утверждал, что человеческий ум функционирует символически, что символические отношения обнаруживают себя в церковных обрядах, храмовой архитектуре, искусстве, в разговорной и письменной речи, языке.

Согласно С. Лангер, символизм является природно инстинктивным свойством человеческой сущности, это «первичная потребность, которой, вероятно, не обладают другие существа, которая приводит в движение ...его фантазии и грезы, ценностные

понятия, его крайне не практичный энтузиазм и осознание чего-то «потустороннего», наполненного святостью» [3, с.40]. Символическое мышление обуславливает отношения между людьми и культурами, всю человеческую деятельность, что обнаруживается в языке, религии, ритуалах, мифе, искусстве. Лангер среди искусств выделяет музыку, которая больше, чем вид искусства, она «прасимвол» всех художественных и органических форм, поскольку музыка ассоциируется с жизненным ритмом, движением везде. Философ отмечает, что всем народам свойственна музыкальная символика, как жизненно важная, которая обнаруживается, начиная с древних призывов, рабочих ритмов, танцевальных движений. Добавим, вплоть до понимания по-своему музыкальной классики и восприятия любого национального народного искусства, поскольку велика сила символизма интуитивного воздействия музыкально организованного ритма и мелоса. Как пишет Ф.В. Шеллинг, «музыка есть то искусство, которое более других отмечает телесное, ведь она представляет *чистое* движение, как таковое, в отвлечении от предмета и несется на невидимых, почти духовных крыльях» [5, с.238]. И если высший смысл гармонии, ритма и мелодии в отображении универсума, то живые существа, люди вольно или невольно вступают в резонанс с космическими телами и процессами.

Признаком универсальной символизации является всеобщее телесно-духовное восприятие космических вибраций, когда звуки слышимые и неслышимые, музыка внешняя и внутренняя, тела, духа, души принимаются символически. С символической музыкой соприкасаются символические свет, цвет, рисуночные очертания, художественные образы и мифы.

Музыка как «прасимвол», самый первейший символ, присущий человеческому разуму, или исходящий из природного инстинкта, или имеющий метафизический источник, воздействующий на человека, интерпретируется в философских системах разных культур. Так, в китайской культуре исток музыки в дао, велика роль музыки в государственном правлении и личностном состоянии, в европейской философии музыка атрибут сверхсубстанции, мировая воля, выражение антагонизма аполлонического и дионисического, Т.Д.

Поскольку символизация обладает музыкальным прасимволом, согласно Лангер, то можно сказать о том, что «музыкальное чутьё», как данное качество человеческой субъективности, с одной стороны, является всеобщим свойством всех наций и народов, и с другой стороны, парадоксальным образом является в то же время разъединяющим фактором в культурной идентичности, поскольку национальное восприятие есть своеобразное явление. Символизация может быть одной из проблем антропологии современного глобализирующегося и в то же время полицентрического, многополярного мира» [2, с.155].

Любое произведение искусства живописи или музыки символично, многозначно по смыслу. Символический переход в поисках разного смысла, игра смыслов, на наш взгляд, роднит с всеобщим стремлением к мифологизации и утопии. Насколько ценность утопических проектов возрастает, и как они срачиваются с искусством, приведу высказывание современного французского философа Ф.Серса, что «утопия в современном мире предстает горнилом оценки, наукой возможного. Она рассматривает различные проекты устройства

человеческого общества на отдалении, позволяющем ей анализировать их достоинства и недочеты. Она тождественна формированию личности и вере в радикальное обновление мира» [4, с.117]. При этом, как представляется, усиливается проявление не только мыслить символами, но и усиливаются символические отношения на всех уровнях жизненного пространства. К тому же утопия сродни искусству и символической философии искусства, потому что, как пишет Серс, произведение современного искусства, будучи загадкой «является также утопией, утопическим смещением реальности» [4, с.217]. Отмечу, что сама всечеловеческая склонность к символизации как необходимости порождает вымыслы, утопии, «утопия функционирует как верифицирующая система», двойная верификация: создатель и интерпретатор.

В этом акте, на мой взгляд, возникает ситуация сближения или отдаления соучастников процесса. И как представляется, действует механизм инстинктивной символизации, когда закрепленные символы осознанно находят выражение в утопии или искусстве. При этом утопические проекты мистически стремятся к обновлению мира, и это тоже одно из проявлений всеобщей антропологической символизации. Выскажу предположение, что антропологический «всеобщий символизм» обращает нас к рассуждениям о всевозможных вариантах ситуаций, связанных с искусством и утопическими проектами, как лабиринт или механика компьютерных игр, что может объединять или разъединять разные национально-этнические, национально-государственные, культурные анклав многополярного мира, или просто быть базовой платформой культурного сотрудничества.

Резюмируя, еще раз подчеркну, что обращаясь к истории эстетической мысли, определяется значимость универсального символизма, основанного на таком антропологическом свойстве человечества, каким является способность символического мышления, особенно нашедшего выражение в искусстве, в частности музыке как «прасимволе», и утопических идеальных проектах. Проблема важна с точки зрения современных разногласий по вопросу поиска базовых платформ культурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилберт К.Э., Кун Г. История эстетики. Кн.2. / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: «Прогресс», 2000. 316с.
2. Коломиец Г. Г. Антропологическая символизация в контексте современных духовных ценностей многополярного мира// Этнос и культура в эпоху глобализации: пространство и история: сб. материалов VI междунар. науч. конф., Сухум, Республика Абхазия, 30 июня –1 июля 2023 г. Изд., Краснодар: КубГТУ, 2023. – С. 151-155.
3. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С. П. Евтушенко. М.: Республика, 2000. – С.183-219.

4. Серс Ф. Тоталитаризм и авангард. /пер. с англ. – М. Прогресс-Традиция, 2004. – С.117 - 230.

5. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. / Под общ. ред. М.Ф. Овсянникова; пер. П.С. Попова. М.: Изд. «Мысль»,1999. – С. 221-242.

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Косиченко А. Г., доктор философских наук, профессор

**Институт философии, политологии и религиоведения Министерства науки
и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы**

Меняющийся мир – синоним нашего мира вообще. Нет двух лет абсолютно похожих друг на друга. Почему мир находится в изменении? Казалось бы, ясно почему: все течет, все меняется; развитие – одна из основных категорий бытия. Но за этой внешней ясностью стоит более глубокая причина: мир помещен не в вечность, а во время; вечность – прерогатива Бога, а наш удел – быть во времени. Время же текуче, изменчиво, несет с собой перемены. Так что постоянные перемены лежат в сущности мира как такового. В той мере, в какой мы можем или могли бы быть прикосновенны вечности, мы находились бы в иной мире – в постоянстве радости и сопричастности Богу – но прикоснуться вечности способны немногие. Поэтому мир изменчив, сегодня он иной, чем был вчера.

Мы сегодня как никогда ранее видим эту сущность нашего мира. Причем перемены, по преимуществу, носят негативный, пугающий характер; хотя как знать: может, за этой негативностью сегодняшних перемен проглядывает хорошее, светлое будущее; мы просто не способны пока этого увидеть. Сегодня довольно сильны апокалиптические ожидания; базируются они на многих признаках; но, опять-таки, ретроспективно видно, что во все переломные, кризисные периоды истории люди считали, что вот он, конец мира, а мир просто сильно менялся и продолжал существовать. Это, что касается изменчивости мира. Но мир меняется в результате деятельности человека; поэтому можно сказать, что именно человек меняет мир, вот он и меняется. Здесь нет никакой онтологической мистики – развивающийся человек меняет мир, и, в свою очередь, изменяющийся мир требует перемен в содержании личности человека. Так осуществляется прогресс человечества: и все бы и ничего, но прогресс ли это?

Современный человек мечется в поисках основы своего существования. Деньги, слава, власть, удовольствия – что только не является стимулом, ведущим человека по жизни. Опыт прежних эпох отмечен, современный человек живет так, как будто не существовало нескольких тысячелетий истории, не порождались достаточно обоснованные ценностные системы и не формировались вполне оправданные смыслы жизни. Наша жизнь становится в высокой степени бессмысленной, прежние поколения такое существование и жизнью не назвали бы. Куда движется человек и человечество? Похоже, в никуда. Каков человек сегодня? Культурное содержание минимально, истории он не знает, над духовным смеется, совесть стала рудиментом. И это состояние называется развитием? Может это не развитие, а деградация? Почему бы и деградацию не считать развитием? Если мы не знаем, куда и зачем развиваемся,

если нет критериев развития, то чем развитие отличается от деградации? Нам ответят, что все зависит от системы, в которой мы ставим этот вопрос и от критериев внутри этой системы. В одном случае это будет развитием, в другом – деградацией. Но так не бывает. Так вообще легко уйти от любого ответа. Всегда можно сказать: «то ли так, то ли этак». Этот подход будет оправдан, если мы остаемся на позициях относительности истины. Но временная относительность истины не означает, что можно утверждать что угодно, ссылаясь на относительность истины. В гносеологии обоснован и доказан путь от относительной истины к истине абсолютной, при которой истина постигается все глубже и глубже, достигая абсолютного знания. Имеются несколько мировоззренческих систем, обладающих абсолютной истиной или стремящихся к ее обретению. К первым, например, относится религия, а ко вторым – философия.

В православной традиции мы обретаем критерий того, считать ли трансформацию человека то ли развитием, то ли деградацией. В том случае, когда человек актуализирует свою сущность (стать богоподобным), он развивается и обретает вневременные измерения своего бытия. В том же случае, когда человек остается в горизонте актуальных, помещенных во времени измерений своего, якобы, развития, он деградирует, так как не развивается к своей сущности – быть богоподобным, но «развивается» в установках своего времени и не может вырваться из суеты своего существования. Суета вообще является доминирующей формой жизнедеятельности современного человека, вне зависимости от того, чем человек занимается, к чему стремится и на что ориентируется. Находясь в суете, человек не способен «взглянуть со стороны» на свою жизнь, суета вынуждает человека все время пребывать в избранных им стереотипах существования. Суета, которая часто понимается как просто ускорение темпов жизни современного человека, на деле является формой закабаления человека и неизбежно ведет к его деградации. «Человек суете уподобился: дни его яко сень преходят» (Пс. 20:4). Вырваться из суеты – первейшая необходимость духовно развивающегося человека.

Вневременные измерения развития человека связаны с вечностью, в которую входит человек в процессе обожения (как актуализации божественного в человеке). Вечность есть существенная определенность и, вместе с тем, прерогатива Бога. И по мере развития в человеке тех измерений, какими человек приближается к Богу, человек приобщается вечности. Здесь имеется глубочайшая логика, когда вечность, как одна из характеристик Бога, становится характеристикой человека в той мере, в какой он осуществляет божеский промысел о себе. «Человек есть существо самопреодолевающее, преобразующее себя самого – таково самое точное определение человека, усматривающее своеобразный признак, которым человек отделяется от всех других существ на свете.... Только духовное начало в нем, принципиально отличное от всех эмпирических качеств (в том числе и интеллектуально-психических) и выходящее за пределы его эмпирической природы вообще, есть нечто присущее одному человеку и определяющее его подлинное своеобразие» [1, с. 76].

Сущность человека вне временна, актуальные его проблемы и формы бытия – только преформирование этой сущности. Об этом надо помнить, когда нам навязывают то одно, то другое в качестве актуального содержания сущности человека. Историю человечества можно так и понимать: как развертывание сущности человека в актуальных (доминирующих в наличной реальности формах бытия человека) формах. Человека все время втягивают в социально-значимые на данный момент формы организации общества. Лучше всего эту ситуацию демонстрирует теория общественных формаций, сменяющих друг друга в ходе исторического процесса. Человек, в самом деле, присутствует в этих исторических формах общественного развития; гуманистически ориентированные мыслители даже говорят, что именно человек и является источником этих исторических форм общества. Но, при этом, не подлежит сомнению, что человек в этих формах не раскрывает всего своего содержания, так как эти формы не нуждаются в актуализации сущности человека в ее полноте, им нужны то одни, то другие качества и способности человека, и человек сводится к ним на всяком этапе истории. Человек оказывается всякий раз богаче своих проявлений в исторических формах общественного развития.

Однако надо признать, что человек становится все более примитивным. Предельно узкая специализация в образовании и профессиональной деятельности, акцент на формировании «компетенций» возводят в норму, за которой следует утрата человеком даже того минимума, который еще недавно соотносился с профессией. Ранее рост профессионализма предполагал не только повышение квалификации, но и некоторое общее развитие человека (за пределами профессии). Компетенции же начисто отрицают необходимость такого общего развития. Более того, компетенции считают общее развитие вредным, опасным для статуса «компетенции». Человека учат набору навыков, умения вести себя в профессиональной среде, научают деловой активности, но сознательно вымывают из него все, что связано с собственно человеческими качествами. Человеческие качества уже давно мешают управленцам нового мирового порядка, сегодня эти качества унифицируются и начисто устраняются.

Человек явно деградирует. Но не сам по себе, над деградацией человека как над наиважнейшей задачей современности работают мощные, хорошо финансируемые силы. Глобализация вошла в новую фазу, вместо унификации финансов и технологий, торговли и национальных законодательств (задачи уже вполне выполненной), целью глобализации на современном этапе стала унификация человека. И целью «гибридных» войн является не овладение природными богатствами или подавление суверенитета государств или разрушение их традиционных культур. Все это – промежуточные или побочные результаты «гибридных» войн. Глубинной их целью является сведение сущности человека, как творца своей действительности, к субъекту прав и свобод, причем прав и свобод, схоластически оторванных от содержания личности человека и его укорененности в традиционных системах ценностей.

«Личность человека современности сведена к набору его прав, причем сведена не без усилий идеологии глобализма. Современный мир забыл, что в

основе прав человека лежит нравственность, именно свободное нравственное поведение и нуждается в правовой защите. Помимо этого, исторически первые своды законов базировались на нравственности, это впоследствии нравственность стала чем-то иным законом. Поэтому сегодня – и глобализм это честно фиксирует – нравственность, духовность считаются, в лучшем случае, некой необязательной добавкой к содержанию личности человека. Реальное же функционирование человека в условиях ширящейся глобализации не предполагает его духовности, напротив, глубокие слои личности вызывают опасения, так как не покрываются нормами закона. Эти слои даже могут быть поставлены вне закона, как это имеет место в странах Европейского союза, когда родители наказываются в уголовном порядке за протесты против образования своих детей в толерантности к извращенным с нравственной точки зрения нормам поведения. Также как лишаются своих рабочих мест медицинские и социальные работники, удерживающие нравственные критерии при выполнении своих должностных обязанностей. Личностное содержание человека вообще становится обременительным и для среднестатистического человека современного мира и для общества, в котором он существует. Унифицирующая логика глобализма добралась до самых глубоких и интимных пластов человеческой личности. Нет нужды повторять здесь хорошо известный набор средств такой унификации: от электронных паспортов (на которых зашифрованы все данные на человека вплоть до самых интимных) до жутких пророчеств Жака Аттали. Самое печальное, что и сам человек уже согласен на утрату личностной специфики – это легче, чем вести изнуряющую каждодневную борьбу за личностное достоинство» [2, с. 53].

Права человека – это удобный аргумент, это только прикрытие, только отвлекающий маневр для осуществления целей уничтожения человека и, в первую очередь, его духовной сущности. «Воплощение в жизни общества идеи о “правах человека”, превращенной в правовую догму и не уравновешенной – ни нравственно, ни юридически, – идеей “естественных обязанностей”, свойственных каждому гражданину, ведет ни к чему иному, как к неизбежной деградации общественной морали и нравственности...» [3, с. 343], пишет митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). И дальше: «Придавать формальному праву самодовлеющее значение – гибельная ошибка! Еще хуже, когда говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, “естественные” человеческие запросы. Таким образом подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно гибельных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. “Настроив” правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здравый и нравственный народ. Такова реальная цена “правового идолопоклонства”, являющегося одной из основополагающих черт демократической квазирелигии» [3, с. 344-345].

Совість человека замутняется, человек уже мало способен различать добро и зло, сострадание считается слабостью, любовь к ближнему – патологией,

жертвенность – болезнью. О духовном развитии и говорить не приходится. Духовное развитие и вообще духовное содержание личности человека входят в противоречие с навязанными современному человеку ценностями, абсолютно чуждыми человеку. Остается всего один шаг к полной утрате представлений о сущности человека. Еще немного, и человека превратят в робота. К этой цели нас подвигают различными путями: и через пересадку и замену органов, и через «расширение» представлений о пределах и возможностях человека, и через сплошную «цифровизацию» всего и вся. Не случайно роботизация становится задачей развития государств. Человек-робот и просто робот сближаются по содержанию. «Люди становятся похожими на роботов. Теряют способность к суждению. Через несколько лет рассуждать смогут только те, чья профессия связана с исследованием. Остальные станут как машины» [4, с. 32]. Роботу не свойственна личностная специфика, она ему ни к чему – таким и хотят сделать человека. Но человек не может начисто утратить личностное духовное содержание. Этим противоречием и объясняется то чудовищное давление на современного человека, которое оказывают творцы нового мирового порядка в стремлении уничтожить человеческое в человеке.

Массовая подавленность, как доминирующее мировоззрение нашей эпохи, имеет исток в предчувствии неизбежного наказания за измену сущности бытия, за измену свободе, за предательство очевидному смыслу. Радость бытия утрачивается при размывании смысла жизни, при полном растворении человека в обыденности, при всецелом погружении в суету. В этих условиях крайне затруднительно одухотворять жизнь, религия в этом случае мало влияет на социум в духовном отношении. Как уже говорилось, потребно усилие для противостояния суете, надо держаться, удерживать смысл, видеть ценность духовной жизни. Надо удерживать в качестве важнейшей ценности смысл жизни и соотносить его с вечностью. Не поглощаться каждодневностью. Уметь находить в повседневности вечные смыслы, держаться этих смыслов, актуализировать их в повседневности. Такая позиция не признак элитарности, ставшая изгойной, но истинное бытие, к сожалению, утраченное сегодня абсолютным большинством.

Следует также помнить, что ответственность есть центральное ядро личности человека. Ответственность наряду со свободой и жертвенностью образуют систему ценностей и одновременно понятий, в которых можно говорить о сущности человека. Мы утратили верное понимание жертвенности. Она есть не потеря, как это представляется сегодня, а приобретение, есть духовный рост личности, развитие способности человека осуществлять свою сущность. Жертвенность расширяет пространство бытия человека, связывает свободу и ответственность – возникает адекватная проблеме понятийная система духовности. Но о жертвенности современный человек и слышать не хочет. Он и так страдалец, это не он должен нечто людям, это ему все должны. Эгоизм, гордыня и ориентация на потребление во все возрастающих масштабах очень способствуют укоренению такого мировоззрения. Вместе с тем без жертвенности сегодня ничего хорошего создать невозможно, жертвенностью

прорывается горизонт внешней необходимости, личность выходит на осмысленное бытие.

Можно сказать, ну хорошо, такова религиозная точка зрения. А более широкий, например, философский взгляд на эту проблематику, каков? Как быть с человеком, понимаемым в философии в качестве трансцендирующего к своей сущности субъекта, причем субъекта, не имеющего предзаданной сущности? На это ответим, что если верно понимать этот философский тезис, он не противоречит изложенному выше видению сущности человека, и что видимая нерелигиозность современной философии преходяща; философии внутренне близка духовная проблематика, а, следовательно, близка и религия. Вот, что по этому поводу пишет Н. А. Бердяев: «Философия станет тем, чем она была в древности, станет священной, вновь соединенной с тайнами жизни. Всего менее это значит, что философия должна стать прислужницей теологии... Философия должна быть органической функцией религиозной жизни, а не прислужницей теологии – это разница огромная. Философия не может и не должна быть богословской апологетикой, она открывает истину, но открыть ее в силах лишь тогда, когда посвящена в тайны религиозной жизни, когда приобщена к пути истины» [5, с. 40]. Как известно, многие собственно философские проблемы получают углубленное решение в том случае, когда философия имеет в виду религиозное истолкование этих проблем. Философия обогащается религиозной или, иначе, богословской интерпретацией стоящих перед философией проблем. Именно в этом смысле и говорит о связи философии и религии Бердяев. Он даже усиливал свою мысль: «Религия может обойтись без философии, источники ее абсолютны и самодовлеющи, но философия не может обойтись без религии, религия нужна ей как пища, как источник живой воды. Религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием» [6, с. 35].

Какие практические выводы из всего сказанного необходимо сделать в адрес человека, желающего остаться человеком и не утратить окончательно проблесков человечности? Выводы таковы: надо ясно осознать, что духовное содержание человека составляет сущность человека, в горизонте духовного и происходит развитие человека как обретение им вневременных измерений своего бытия; далее надо трезво оценить, кто ты и кем являешься на самом деле, а не в представлении о себе; исходя из этого, надо осознать чего ты хочешь по-настоящему, что бы ты хотел сделать, с чем ты себя соотносишь в последнем пределе; и, осознав все это, надо делать то, что ты хотел бы оставить по себе, причем делать на пределе своих возможностей; надо поменьше любить себя и побольше любить людей. В вечность войдут немногие из дел человеческих. Войдут только те из дел, какие пропущены через горнило ответственности, жертвенности, любви и милосердия. Содержание же самих дел не столь важно; можно делать, казалось бы, самые незначительные дела, но делать как должно, и эти дела войдут в вечность, а можно заниматься самым «возвышенным» и остаться ни с чем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Франк, С. Духовные основы общества / С. Франк. – Москва : Республика, 1992. – 511 с.
2. Косиченко, А. Г. Личностные аспекты глобализации / А. Г. Косиченко // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления», Москва, 18-22 мая 2011 г. В 2 т. Т. 1. – Москва : МАКС-Пресс, 2011. – С. 48-53.
3. Митрополит Иоанн. Самодержавие духа / Иоанн, Митрополит // Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. – Санкт-Петербург : «Царское дело», 2004. – 494 с.
4. Афонские старцы о спасении и современном мире. – Москва : Святая Гора, 2016. – 144 с.
5. Бердяев, Н. А. Спасение и творчество (Два понимания христианства) / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Смысл творчества : Опыт оправдания человека. – Харьков : Фолио ; Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с.
6. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия свободы. – Харьков : Фолио ; Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 736 с.

МЕТОД ФОКУС-ГРУППЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФИЛОСОФИИ МАХАЯНЫ: АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лазаренко Э. С., кандидат политических наук
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г.
Бишкек

Введение.

Феномен Махаяны занимает важное место в социокультурной жизни человечества, заметно преодолевая границы мировоззренческого нерелигиозного распространения. Межкультурный полилог, гуманизм, этика, всеобщая ответственность – эти и другие принципы являются причинами популярности философии Махаяны в современной жизни общества.

Цель использования качественного исследования методом фокус-групп, через получение субъективной информации от участников данного метода, идентифицировать потенциальные и сущностные возможности мировоззрения Махаяны для современной жизни в контексте социокультурного пространства Центральной Азии. В данном аспекте, Центральная Азия рассматривается как современный географический регион СНГ, согласно Encyclopaedia Britannica, включающий в себя Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмению и Таджикистан.

Важно отметить, что в современной науке Кыргызстана буддологические исследования в области философии новы, однако известны работы в области археологии и истории.

Упоминания о социально-философском и культурологическом взаимоотношении тибетских и индийских идей на территории Кыргызстана упоминаются в трудах таких философов как Академика А. А. Алтымьшбаева «Очерк истории развития общественно-политической и философской мысли в дореволюционной Киргизии», профессора Ч.Э. Алиевой «Философская компаративистика: проблема концептуализации: проблема концептуализации», профессора Н.И. Осмоновой «Символическая Вселенная человека традиционной кочевой культуры».

Методология.

Метод фокус-групп является междисциплинарным исследовательским инструментом. Почему мы использовали именно этот метод? По мнению Р. Крюгера, этот метод, зародившийся в середине XX века, стал предметом обсуждения не только узкопрофессиональной аудитории [1], и потому, эта тенденция расширяется и становится инструментальным средством для изучения многих проблем.

Получение субъективной информации от участников фокус-группы является специфической формой обратной связи между исследователем и обществом.

Термин «фокус» в названии метода означает сосредоточенность участников групповой дискуссии и исследователя на конкретном предмете и его всестороннее обсуждение.

Специфика метода состоит в том, что при его применении:

- учитывается групповая динамика;
- соблюдается равноправие во взаимоотношениях респондентов и модератора;
- интерпретации подвергаются как вербальные, так и невербальные реакции респондентов;
- включаются элементы анализа на всех этапах фокус-группы;
- присутствует саморефлексия исследователя;
- сочетаются приемы интервью и метода включенного и невключенного наблюдения.

В онлайн фокус-группе «Определение сущностного потенциала буддийского мировоззрения Махаяны для современной жизни», проведенной 21 июня 2023 г., участвовали ученые и практики из пяти государств:

Николас Лашау (США) – директор Программы переводов Diamond Cutter Classics;

Шоира Орипова (Узбекистан) – к.м.н. исполнительный директор культурного центра «Умброкий Мерос» – «Наследие жизни»;

Мелис Ногаев (Кыргызстан) – к. физ-мат. н., Professor of the Physics Department of I.Arabayev KSU профессор кафедры физики Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева;

Сугэн Ши (Сингапур) – ассистент профессора Седонского колледжа международного менеджмента (SCIM);

Алексей Сурьяканти (Казахстан) – буддистский священник ордена Ниппондзан Мёходзи, ученик почтенного Дзюнсэйя Тэрасавы;

Эльмира Лазаренко (Кыргызстан) – к.полит.н, докторант кафедры философии и религиоведения Кыргызско-Российского Славянского университета;

Динара Мендешева (Канада) – переводчик с английского на русский.

А также слушатели из Турции, Украины, Казахстана.

Для получения экспертного мнения в программе фокус-группы были поставлены три вопроса: Каковы основные принципы буддийского мировоззрения Махаяны? В чем ценность сущностного потенциала буддийского мировоззрения Махаяны? Какие инструменты буддийского мировоззрения Махаяны возможно использовать в разных сферах современной жизни?

Интерпретация данных проанализирована из видеозаписи, сохраненной в Youtube [2], и обработанной стенограммы.

Анализ и результаты.

Ниже вкратце представлены ответы участников фокус-группы:

Николас Лашау считает, что основные принципы буддийского мировоззрения Махаяны, вкратце, можно представить как «два крыла». С одной стороны, следует понимать, что все во Вселенной происходит из причин, все

вещи имеют зависимое происхождение, и с другой стороны, важно удерживать фокус на любви и сострадании ко всем чувствующим существам. Человек с мировоззрением Махаяны имеет высокую мотивацию избавить всех от страданий и привести всех к абсолютному счастью.

Алексей Сурьяканти высказал свое мнение следующим образом: «мы должны преодолеть эгоистическую культуру (цивилизацию) для того, чтобы спасти мир – и это является основополагающим принципом мировоззрения Махаяны». Основной ценностью, по мнению монаха, является желание привести всех живущих к благу.

По мнению Алексея, учение Махаяны подготовило общество к созданию Новой прогрессивной цивилизации.

Сугэн Ши изучает Колесо жизни, и представляет свою точку зрения в этом аспекте: основным принципом мировоззрения Махаяны является то, что каждый изучающий этот феномен хочет выйти из страданий, при этом помогая всем существам.

Сугэн Ши считает, что в настоящее время, эти инструменты стремятся ввести в свою жизнь люди из разных частей света из Европы, Америки, Азии.

Шоира Орипова предлагает рассматривать Махаяну как Широкий путь спасения. Путь Бодхисаттв, которые передают знания самопознания и пробуждения простым людям тоже. Именно Махаяна стала причиной Ренессанса и возникновения на огромной территории Азии Кушанской цивилизации. Ибо познав себя и единство с мирозданием, человек может без насилия, в толерантности сосуществовать с другими нациями, культурами и религиями.

Бодхисаттвы – сверхъестественные существа-небожители, воплощения самого Будды. Ради помощи людям они отказываются от погружения в нирвану. Им свойственна любовь и милосердие к людям, поэтому, они пользовались исключительным почитанием в Махаяне.

По мнению Ш. Ориповой, Махаяна является одним из супраментальных путей для появления нового Человека, потому основными инструментами являются интегральная йога и трансцендентная медитация.

Мелис Ногаев утверждает, что буддийская философия и наука являются универсальными для общечеловеческих ценностей.

На его взгляд, мировоззрение Махаяны как философское и нравственное учение востребовано современным обществом и ориентировано на человека.

В качестве инструментов для жизни М. Ногаев предлагает универсальность буддийских ценностей, открытость и доступность для людей разного уровня способностей и развития, гибкость и не догматичный характер Махаянского учения: рационализм, интуитивизм и прагматизм отличается высокой степенью толерантности, основанной на духовной практике терпения. Трансформация ума путем медитационных практик.

В свою очередь организатор фокус-группы также предложила свое мнение: с точки зрения доктрины зависимого происхождения причины современных социальных конфликтов, экологических проблем и проблем взаимоотношения человека и природы кроются в непонимании глубинного смысла идеи

зависимого происхождения, его желаний к эгоцентризму и себялюбию, которые и составляют основную причину вечного перерождения в колесе сансары в целом, и личного страдания в частности. Поэтому именно буддийское мировоззрение Махаяны, отражающее пробуждённое, просветлённое сознание, свободное от негативных мыслей, пропитанное состраданием и любовью ко всем живым существам, является мировоззренческой основой для понимания и осознания происходящих негативных процессов. В этом смысле, безусловно, обязательным для последователей махаянских традиций, вставших на путь бодхисаттвы, является состояние сознания, которое называется «бодхичитта» – желание привести к просветлению и счастью каждое живое существо [3].

Таким образом, каждый эксперт высказал собственную точку зрения. И метод качественного анализа фокус-группы позволил достичь цели исследования – идентифицировать потенциальные сущностные возможности мировоззрения Махаяны для современной жизни в контексте социокультурного пространства Центральной Азии.

Во-первых, основными принципами буддийского мировоззрения Махаяны является высокая мотивация избавить всех от страданий и привести каждого к абсолютному счастью. Человек с такой мотивацией называется – бодхисаттва.

Во-вторых, ценность сущностного потенциала буддийского мировоззрения Махаяны заключается в понимании зависимого происхождения и пустоты вещей.

И наконец, существуют инструменты буддийского мировоззрения Махаяны актуальные для использования в разных сферах современной жизни: например, руководства по наблюдению за мыслями, словами и действиями, а также интегральная йога и трансцендентная медитация.

Основными достоинствами метода являются:

- достижение синергетического эффекта в ситуации доверительного группового обсуждения. Психологические и статусные барьеры преодолеваются значительно легче, чем при индивидуальном интервью, а непосредственные контакты с другими участниками дискуссии создают атмосферу открытости и взаимопонимания;
- получение большого массива качественных данных, которые невозможно достичь иными методами;
- фиксирование групповой динамики, позволяющей выявить механизмы и факторы формирования группового мнения;
- возможность использования в параллельном режиме метода невключенного наблюдения за ходом дискуссии, что позволяет собрать дополнительную информацию о поведении участников обсуждения;
- возможность многократного просмотра (прослушивания) ситуации групповой дискуссии в аудио- и (или) видеозаписи, что позволяет выявить и проанализировать малейшие детали работы группы.

К недостаткам метода относятся:

- высокая трудоемкость обработки большого массива невербальной информации, следствием чего является неизбежная потеря части первичных данных.

Объективная оценка достоинств и недостатков метода применительно к конкретной исследовательской проблеме позволяет исследователю сделать вывод о возможности и необходимости его использования в прикладном социологическом исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Krueger, R. A. The Future of Focus Group / R. A. Krueger // *Qualitative Health Research*. – 1995. – Volume 5. – Issue 4. – P. 524-527.
2. Online focus group, June 21, 2023
<https://www.youtube.com/watch?v=76bz8pCCYyU&list=PLBaRAZqse7oqDi7mo7rH7ae-HQ2WssU-n&index=4&pp=gAQBiAQB> .
3. Лазаренко, Э. С. Инновационные идеи буддийского мировоззрения махаяны о гармоничном отношении к окружающей среде / Э. С. Лазаренко // *Вестник КРСУ*. – 2022. – Т. 22. – № 6. – С. 52-56. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-6-52-56.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИНТЕТИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ

**Лойко А. И., доктор философских наук, профессор
Белорусский национальный технический университет, Минск**

Цивилизация цифровых технологий интенсивно создавалась во второй половине XX века. Основной мотивацией к ее созданию была высокая емкость запроса современного человека на технологии общения. В результате за короткое время началось производство компьютерной техники, создание сети и широкое использование мобильных телефонов. По мере совершенствования компьютерных программ появились основания для ввода в оборот термина «искусственный интеллект» [1]. Первоначально использовались технологии слабого искусственного интеллекта. Затем начался переход на технологии сильного искусственного интеллекта, функции которого разнообразились модификациями социальных сетей, промышленного интернета, цифровой экономики и цифровой энергетики.

В социальных и корпоративных сетях стали использоваться цифровые помощники. Одной из последних модификаций цифровых помощников стали синтетические люди. Развитию этой технологии способствует увеличивающаяся мощность центрального и графического процессора в облаке и на периферии. Разработки опираются на исследования в области глубокого обучения. В их основе лежит использование метода моделирования. Модель синтетического человека является продуктом генеративного дизайна. В ней используется несколько нейронных сетей в виде большого количества наборов алгоритмов в виде ансамбля. Используется комбинация технологий, объединенная в паплайн.

Это последовательность действий, когда результат алгоритма передается другому алгоритму для получения нового результата. Разработчик проектирует примерный диапазон. Он обучает синтетического человека новым стилям. Он подключает к нему новые шрифты. Это нужно для того, чтобы синтетический человек мог применить изобразительное решение в правильном контексте.

Синтетический человек может выполнять функции дизайнера. При взаимодействии с ним заказчик заполняет бриф. Он описывает представляемую им организацию. Синтетический человек, каковым является нейронная сеть, истолковывает бриф. Он использует образы, которые подходят под визуальное представление организации заказчика. В такой функции используются емкий символ или знак. Визуализации образов сопровождаются разными шрифтовыми комбинациями. Отдельные алгоритмы подбирают цветовые сочетания.

Заказчик приобретает опыт общения практически не отличающийся от общения с физическим дизайнером. Преимущество синтетического человека в том, что он не капризничает и не болеет. Он использует генеративные технологии с богатой историей и в разных модификациях. Эти модификации не ограничены нейронной сетью.

Получил распространение промт-инжиниринг. Его ресурсом являются стратегии и практики создания, оценки и улучшения запросов. Речь идет об инструкциях, информирующих модели искусственного интеллекта о потребностях заказчика. Структурированный запрос является условием продуктивного взаимодействия с технологией искусственного интеллекта. Он является набором команд и указаний. Этот набор детерминирует семантику получаемых заказчиком ответов. Профессионализм в создании запросов является условием эффективности технологий искусственного интеллекта.

В отличие от сознания людей моделям искусственного интеллекта нужны четкие инструкции, поскольку они не понимают контекст. Компьютерной программе нужен точный выбор слов, адекватная (верная) спецификация формата, распознаваемый (понятный) контекст и алгоритм естественного языка.

Благодаря эффективным запросам модели искусственного интеллекта становятся интерактивными. Это возможно потому, что запрос является открытым. Он сфокусирован на конкретной теме. При подборе ответов модель искусственного интеллекта использует паттерны и логические выводы. Они основаны на обучающих данных. Эти данные должны иметь точный язык, тон и стиль. Поскольку модели искусственного интеллекта не работают с комплексными рассуждениями, то запросы должны быть простыми. Важно создать условия, чтобы модели искусственного интеллекта могли придерживаться заданной им структуры. Пренебрежение этим предписанием приводит к непредвиденным результатам. Таким путем могут формироваться риски технологической сингулярности.

Ясно указывая в запросе можно руководить тоном синтетического человека. Параметры температуры и Max Tokens меняются для влияния на вывод синтетического человека. Температура минимизирует случайность вывода. Низкие значения делают вывод детерминированным. Максимальное число лексем определяет длину вывода. Важную роль играют итерационные улучшения и фидбек. Информацию, получаемую с их помощью, используют для улучшения запросов. В ситуации необходимости меняют формулировку, уточняют инструкции и меняют тон. Проводят тестирование, чтобы получить больше фидбека и добиваются улучшения. Важная роль отводится логотипам.

Технологии искусственного интеллекта генерируют семплы иконок в конкретном жанре. Их активно продают. Креативная функция искусственного интеллекта в функции дизайнера применяется в производстве художественных средств высокого качества для изобразительного искусства, концепт-арта, музыки, литературы, видео и анимации.

Диффузионные модели синтезируют изображения высокого качества. Большие языковые модели создают звучащую прозу и стихи. Интерфейсы естественного языка сопровождают генеративные модели искусственного интеллекта, в частности, интерфейсы чата. В них используется местоимение «я». Это формирует у пользователей ощущение диалога с физическим существом.

В результате формирования новой социальной среды человеко-машинной конфигурации перед гуманитариями возникает много вопросов о воздействии

постоянного контакта с синтетическими людьми на физических пользователей. Особенно актуальна эта тема в области технологий цифровых метавселенных, предполагающих иммерсию пользователя в формате цифрового двойника в конструируемое разработчиком пространство. В условиях пандемии, и связанной с ней физической изоляцией от внешнего мира, технологии виртуальной и дополненной реальности получили широкое развитие. В них инвестирован большой капитал. Обычным стало посещение виртуальных театров, галерей, игровых площадок.

Большие надежды стали возлагаться на четвертую промышленную революцию и внедрение ее технологий в промышленности и финансовом секторе. Сформировалась инфраструктура цифровых экосистем [2]. Она легко совместима с мобильными устройствами, через приложения которых пользователь имеет доступ к широкому ассортименту товаров и услуг.

В результате трансформаций цифровая цивилизация стала представлять без барьерную среду, в которую переместились институты гражданского общества, где они приобрели новые модификации. Этим смещением воспользовались также социальные инженеры и представители теневой экономики. В результате к новым условиям адаптируются правовые структуры. К новым условиям также адаптируются пользователи, поскольку технологии кибернетической преступности угрожают их финансовой стабильности. Риск может быть минимизирован только совместными усилиями пользователей и правовых структур.

В процессе использования цифровых помощников выяснилась проблема предвзятости искусственного интеллекта. Она выражается в передаче разработчиками собственных гендерных и расовых предвзятостей компьютерной программе [3]. Эти предвзятости нарушают инклюзивную среду рабочего места.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзялошинский, И. М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации : монография / И. М. Дзялошинский. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 583 с.
2. Loiko A.I. Technology of digital ecosystems // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия» - 2022. – Т. 4. – № 1 – С. 49-56. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.7>
3. Железнов, А. Мораль для искусственного интеллекта: перспективы философского переосмысления / А. Железнов // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 6(145). – С. 95–122.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И РИСКИ

**Недорезов В.Г., кандидат философских наук, доцент
Писарчик Л.Ю., кандидат философских наук, доцент**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

1. Современные биотехнологии

Биотехнологии непосредственно основаны на нанотехнологиях. Посредством нанотехнологий производятся изделия, размер структурных элементов которых колеблется от 1 до 100 нанометров. В то время как объекты биотехнологий несколько крупнее – до 300 нм. В нано-биотехнологиях используются закономерности геномики, протеомики и системной биологии, но в то же время в них осуществляется комбинирование атомов и молекул. Все это делается в лечебных целях. Являясь разделом молекулярной генетики, геномика исследует геном и гены живых организмов. В ее рамках с 80-х годов прошлого века производилось секвенирование геномов некоторых видов живых организмов. Секвенирование нового поколения (СНП) – это техника определения нуклеотидной последовательности ДНК и РНК с целью получения формального описания ее первичной структуры. Секвенирование генома человека было произведено в 2001 – 2003 годах.

Методы СНП более быстрые и дешевые, что предопределило возникновение бума в геномных исследованиях. Секвенирование генома конкретного человека в 2008 году стоило 10 миллионов долларов, а сегодня – 800 долларов. Применение суперкомпьютеров в этой области исследований в недалеком будущем может снизить цену до 50 долларов [3, с. 33]. Поэтому стали делать ранее технически недоступные эксперименты. Получил развитие геномный анализ, то есть стало возможно расшифровать геномы разных живых систем от простых микроорганизмов до человека. Также секвенирование определенных участков в геномах используется для выявления мутаций в генах, ответственных за развитие опухолевых и других заболеваний. Такие технологии позволяют использовать их для терапии онкологических больных.

Протеомика – это область молекулярной биологии, направленная на идентификацию и количественный анализ белков. При этом совокупность всех белков клетки называется протеомом. Именно протеом и является объектом изучения протеомики. Исследования в области протеомики делают возможным глубокий анализ клеточных систем. Биологические системы испытывают разнообразные воздействия, и изучение их поведения в ответ на эти воздействия внешних факторов, в результате чего происходит изменение белкового состава, позволяет понять сущность многих биологических процессов. Поэтому протеомика, как и геномика, входят в состав нового направления биологических исследований – системной биологии. Применение протеомики имеет место в диагностике раковых заболеваний с помощью анализа белковых биомаркеров. Это

направление исследований уже дает результаты в США. Кроме того, протеомика позволяет с помощью масс-спектрометрии исследовать протеом сердца, что поможет изучить и понять механизмы развития сердечно-сосудистых заболеваний. К тому же определенная часть лекарственных препаратов является белками, а также они действуют на определенные белки. Поэтому протеомика применяется специалистами, занимающимися разработкой лекарственных препаратов.

Конечно, успехи биологической науки впечатляют. Однако эти успехи все-таки сопровождаются возникновением таких вопросов, которые требуют этического анализа. Г. Леонгард пишет: «А теперь представьте себе следующее: данные геномов двух миллиардов людей загружают в надежное облачное хранилище (желательно, конечно, сохраняя анонимность) и используют для исследований, осуществляемых по большей части искусственным интеллектом (ИИ)» [там же, с. 33-34]. Несмотря на возможные фантастические перспективы таких исследований (лечение многих заболеваний, улучшение качества и продление человеческой жизни), он также отмечает вероятные негативные их последствия. Например, оформление генетического неравенства, когда богатые люди будут жить существенно дольше, чем бедные.

Современная наука сделала еще один значительный шаг вперед в биотехнологии, который заключается в экспериментальном соединении считывание заложенной в генах информации и синтез белка. Ученый, стоящий у истоков геной инженерии, один из руководителей проекта расшифровки генома человека, Крейг Вентер синтезировал искусственно смоделированный на компьютере геном. «Синтез клетки, которую уже назвали «Синтией», фактически раскрывает механизм создания искусственных форм жизни на нашей планете» [5, с. 4]. Это будет иметь огромные последствия для всего человечества в развитии новых подходов к решению множества важнейших проблем. При этом важно то, что на это событие нет отрицательной реакции церкви и широкой общественности, как это происходит в оценке клонирования.

Согласно Д. И. Дубровскому, в развитии NBIC-конвергенции самая значительная роль принадлежит нанотехнологиям и развитию физики, которые определяют направленность ее развития, создавая новые материалы, методы исследования и средства преобразования различных, даже живых, систем. Расшифровка генома человека и создание искусственным путем одноклеточного организма открывает невиданные перспективы для науки. «Преодолевается извечная пропасть между живым и неживым. Открываются принципиально новые перспективы для медицины и антропотехнологических преобразований» [2, с. 41-42]. Дубровский справедливо отмечает, что существенной проблемой является слабое участие в изучении и координации конвергентных исследований социогуманитарных знаний и технологий. Эта ситуация действительно требует исправления, так как участие гуманитариев необходимо.

Основные тенденции развития технонауки последних лет связаны с развитием NBIC-конвергентных технологий и ситуация с возникновением возможных рисков в социо-антропосфере усугубляется. Якоб фон Икскуль ввел понятие UMWELT – ближней среды обитания организма. В. Г. Буданов выделяет

четыре умвелта, в которые включен человек, – это природная среда, техносреда, нейромир (или виртуальный мир) и сетевой умвелт. «Мы лишь отчасти индивиды, – считает В.Г. Буданов, – в нас есть и коллективная трансперсональная компонента, проявленная в феноменах эмпатии, интуиции, воли, творчества. Это четвертый – сетевой умвелт, здесь и культура в целом, и сетевые технологии, и краудсорсинг – метод использования коллективного бессознательного в экспертизе, науке, экономике, политике. Умвелт-анализ позволяет вычленить базовые вызовы и риски развития техно-антропосферы, их генетику и перспективу управляемости ими» [6, с. 156]. Идея умвелт-анализа является весьма перспективной.

2. Неизбежность рисков и перспективы контроля

Сегодня философы все чаще ставят вопрос о необходимости гуманитарной экспертизы. Что в связи с этим можно сказать о роли социального и гуманитарного знания в развитии науки? Согласно Е. Г. Гребенщиковой, гуманитарная экспертиза не приветствуется естествоиспытателями, так как они ориентированы на получение прагматического результата исследований, несущего экономическую выгоду. На это указала президент Европейского исследовательского совета Х. Новотны [15]. Однако Гребенщикова полагает, что «...потенциал социогуманитарных подходов становится востребованным и как средство стратегического прогнозирования, учитывающее возможные риски и негативные эффекты, и как способ ответа на те вопросы, которые уже актуализированы инновационным развитием» [6, с. 154]. В области синтетической биологии возможно участие гуманитариев как экспертов, контролирующих развитие новых технологий с использованием основных биоэтических и гуманистических принципов. Тем самым станет возможным раннее предупреждение негативных последствий развития новых технологий.

В современной науке синтетическая биология понимается как «...проектирование и конструирование новых биологических частей, устройств и систем, и перепроектирование существующих природных биологических систем в полезных целях» [12]. Это соответствует тренду последних лет на синтез социально-гуманитарных и естественнонаучных подходов. «Расширение междисциплинарности для включения социальных наук в технологическую и научную деятельность, с тем чтобы внести вклад в развитие ”социально устойчивых” технологий» [13]. В 2000 году в США была создана «Национальная нанотехнологическая инициатива» (NNI) для усиления экономической конкурентоспособности на мировом рынке. Деятельность NNI связана в основном с двумя проблемами: во-первых, с прогнозированием рисков для окружающей среды, здоровья и безопасности, создаваемых нанотехнологичными материалами, и выработкой мер по их регулированию. Во-вторых, с развитием образования и исследованием социальных и этических аспектов нанотехнологий. Для решения этих вопросов политикам пришлось обратиться к общественным наукам как к источнику понимания и практического вклада в расширенную междисциплинарную область нанотехнологий. «В этих

рамках социальные науки играют важную роль, способствуя развитию более «социально устойчивых» технологий» [Ibid.].

В 60-х годах прошлого века человечество стало анализировать последствия применения атомного оружия и развития атомной энергетики. В связи с этим стало понятно, что необходимо «...включение социальных акторов в процессы проектирования научных исследований и оценки их возможных последствий» [1, с. 186]. Процессы, связанные с приближением экспертизы к общественности, получили дальнейшее развитие в докладе «Понимание риска» Национального исследовательского совета США (1996), в котором была отмечена необходимость дополнить используемые методы анализа и оценки риска консультациями с широкой общественностью, а также в докладах «Наука и общество» Комитета по науке и технологиям Британской палаты лордов и докладе рабочей группы «Демократизация экспертизы» Евросоюза [там же].

Во второй половине XX века в Западной Европе изучалась проблема технологических рисков, и в результате была разработана концепция «социально надежного знания», согласно которой экспериментаторы должны учесть заинтересованность общества в безопасности [там же, с. 187]. Важным обстоятельством при применении экспертизы является временной разрыв между установлением фактора негативного воздействия на людей или окружающую среду и решением о нейтрализации этого фактора. Часто это занимает довольно продолжительное время и люди по-прежнему подвергаются опасности. Для расширения процесса демократизации экспертизы необходимо осмыслить пределы доверия общества к науке.

Один из наиболее оптимальных вариантов концептуализации проблемы доверия со стороны общества экспертному сообществу ученых представляет собой модель, когда между обществом и экспертным сообществом формируются инициативы, расширяющие совместное видение и решение проблем, а также постоянно функционируют каналы их социальной коммуникации. Особенно трудно оценить риски, имеющие долгосрочные перспективы. Такой областью является биомедицина. Б. Г. Юдин отмечает, что «в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается» [10]. Он настаивает на необходимости развивать и совершенствовать гуманитарную экспертизу возможных негативных последствий непродуманных технических решений.

Этическая экспертиза позволяет направить научные исследования с учетом таких основополагающих элементов: 1) повышение этической компетентности специалистов, 2) развитие лояльного отношения к моральным проблемам у представителей естествознания, 3) учет разнообразия моральной аргументации, 4) углубление профессионализма у философов-экспертов [16, р. 173]. «В различных областях профессиональной жизни специалисты по этике в настоящее время являются экспертами» [Ibid.]. Их рекомендации учитываются при принятии решений на уровне правительств и больших бизнес-структур. К мнению философов начинают прислушиваться.

И. Т. Фролов и Б. Г. Юдин разрабатывали этику науки еще в 70-х – 80-х годах прошлого века и рассмотрели ряд эффективных требований и принципов, способствующих организации контроля и экспертизы в процессах исследования человека [см.: 7; 8; 9]. Прогресс науки и техники невозможно остановить, и он должен осуществляться в интересах человека, но проблема состоит в том, что в современном мире возникает настоятельная необходимость в защите человека «от негативных последствий того же самого прогресса» [11, с. 183], – отмечает Б. Г. Юдин. Для решения этой проблемы во многих странах сформированы социальные институты этического сопровождения биомедицинских исследований. И сегодня является нормой этический контроль всех исследований такого рода. В современной науке действуют разработанные специально для этого механизмы этического контроля исследований. Согласно Б. Г. Юдину, существует три механизма такого контроля: 1) информированное согласие, на которое имеет право каждый испытуемый; 2) публикации о результатах проведенных исследований; 3) одобрение заявки на проведение научных исследований этическим комитетом [там же, с. 183-184].

Этические нормы все больше влияют развитие науки, так как «...требования, задаваемые этикой, оказываются в числе действенных предпосылок научного познания...», иными словами, связь между этикой и наукой не только возможна, но и вполне реальна» [там же, с. 184], – отмечает Б. Г. Юдин.

Но возрастающие темпы и масштабы научно-технического прогресса требуют новых подходов и от самой философии. Сталкиваясь с быстро развивающейся биомедициной, общество бывает не готово оценить опасности и потребовать от компетентных структур принятия мер. Проблемой является и то, что список возможных рисков и опасностей непрестанно расширяется.

О биоэтике впервые начал писать американский биохимик В. Р. Поттер. Ему принадлежат такие работы, как «Биоэтика: наука выживания» (1970), «Биоэтика: мост в будущее» (1971), «Глобальная биоэтика, основанная на наследии Олдо Леопольда» (1988). Поттер понимает биоэтику как этику выживания человечества, сосредоточенную на вопросах охраны здоровья человека и сохранения природы. Биоэтика у Поттера должна соединить науку и базовые ценности человечества посредством соединения усилий естественных и гуманитарных наук [4]. «Через три года после опубликования В. Р. Поттером книги “Биоэтика – мост в будущее” в США была создана первая Национальная комиссия по защите человека, субъекта биомедицинских и поведенческих исследований (National commission for the protection of human subjects of biomedical and behavioral research)» [там же].

К числу проектов Поттера относится также и развитие глобальной биоэтики. «В конце 80-х годов XX века В. Р. Поттер предлагает повернуть “биоэтику на 180 градусов”. Он разрабатывает концепцию *глобальной биоэтики* как *всеохватывающей* и *всеобъемлющей* этики, цель которой – *приемлемое выживание* (*acceptable survival*) человечества. Приемлемое выживание – это не только биологическое выживание, но и социальная стабильность, устойчивое развитие общества (*sustainable society*), сохранение и развитие здоровой

экосистемы (*healthy ecosystem*). В основании поттеровской глобальной биоэтики лежат концепция индивидуального здоровья и эгоцентрическая этика земли О. Леопольда» [там же]. В этом стремлении Поттер пытается осуществить синтез медицинской этики и экологической этики.

Существует и другой взгляд на глобальную биоэтику. По мнению Хенк тен Хава, прогресс биомедицинских технологий приводит к нарастанию неравенства между людьми, живущими в разных странах и относящимися к разным социальным слоям. Все более дорогие методы лечения, становятся все менее доступными для бедных. «Тысячи детей или пациентов с малярией, туберкулезом и СПИДом умирают каждый день, потому что они не могут позволить себе эффективные лекарства, которые слишком дороги. Традиционная биоэтика, которая развивалась в последние 50 лет в западных странах, превращается в более широкий подход, который актуален для людей во всем мире и ориентирован на новые глобальные проблемы» [14]. Согласно Хенк тен Хава, необходима глобальная биоэтика: «...глобальная биоэтика является необходимостью, поскольку социальные, экономические и экологические последствия глобализации требуют критических реакций» [Ibid.]. Это действительно насущное требование времени и с данным авторитетным ученым можно только согласиться.

С развитием современной технонауки, особенно биомедицины, связана эйфория, которая возникла в русле трансгуманизма, и связана она с ожиданиями от новых технологий решения насущных человеческих проблем. Трансгуманизм имеет двойственную природу. С одной стороны, он обращается к самым болевым проблемам человечества – необходимости лечения людей от опасных заболеваний, в том числе наследственных, а также неизлечимых на данный момент заболеваний, необходимости совершенствования технологий трансплантации органов, улучшения памяти и физических свойств человека, создания интерфейса «мозг-компьютер». Все это действительно необходимо человечеству. С другой стороны, трансгуманистическая идеология направлена, в конечном счете, на то, чтобы преодолеть человека и превратить его в киборга, а затем и в постчеловека. С такой перспективой вряд ли можно согласиться. Для того, чтобы противостоять таким намерениям, а также регулировать исследования в естественнонаучной области, необходимо развитие и внедрение в сознание исследователей принципов биоэтики, глобальной биоэтики, наноэтики и гуманитарной экспертизы. Тогда выявление рисков станет более эффективным, а исследования будут проводиться в безопасном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гребенщикова, Е. Г. Дилеммы экспертизы / Е. Г. Гребенщикова // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П. Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 186-191.
2. Дубровский, Д. И. НБИКС-конвергенция: некоторые теоретические и методологические вопросы / Д. И. Дубровский // НБИКС: Наука. Технологии. 2017. Т. 2. № 2. С. 37-45.

3. Леонгард, Г. Технологии против человека / Г. Леонгард. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
4. Пустовит, С. В. Глобальная биоэтика: становление теории и практики (философский анализ) / С. В. Пустовит [Электронный ресурс]. – К.: Арктур-А, 2009. – 324 с. – URL: https://studopedia.ru/9_177400_globalnaya-bioetika-vr-pottera.html (дата обращения: 16.03.2024)
5. Руденский, О. В. Инновационная цивилизация XXI века: конвергенция и синергия NBIC-технологий. Тенденции и прогнозы 2015-2030 / О. В. Руденский, О. П. Рыбак [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень ЦИИИ. – 2010. – № 3. С. 3-87. – URL: http://www.vixri.ru/wp-content/uploads/2011/08/inf3_2010.pdf (дата обращения: 21.03.2024)
6. Социогуманитарные риски развития NBICS-технологий («круглый стол») // Философские науки. – 2016. – № 10. С. 148-157.
7. Фролов, И. Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки, дискуссии, обобщения / И. Т. Фролов. – М.: Издательство политической литературы, 1979. – 336 с.
8. Фролов, И. Т. Философия и история генетики: поиски и дискуссии / И. Т. Фролов. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
9. Фролов, И. Т. Этика науки: Поиски и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М.: Политиздат, 1986. – 400 с.
10. Юдин, Б. Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы / Б. Г. Юдин [Электронный ресурс] // Век глобализации. 2008. № 2. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5936> (дата обращения: 14.03.2024)
11. Юдин, Б. Г. Наука в обществе знаний / Б. Г. Юдин // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. ст. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / под ред. П. Д. Тищенко. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 174-185.
12. Calvert J., Martin P. The role of social scientists in synthetic biology [Electronic resource]. EMBO reports. 2009. Vol. 10. No 3. P. 201-204. – URL: <https://www.embopress.org/doi/full/10.1038/embor.2009.15> (дата обращения: 5.03.2024)
13. Doubleday R., Viseu A. Questioning Interdisciplinarity: What roles for laboratory based social science? [Electronic resource] // Nano meets macro: Social Perspectives on Nanoscale Sciences and Technologies. University of Bergen, Norway. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Ana_Viseu2/publication/290829349_Questioning_interdisciplinarity_What_roles_for_laboratory_based_social_science/links/5b56e922a6fdcc8dae4002ac/Questioning-interdisciplinarity-What-roles-for-laboratory-based-social-science.pdf (дата обращения: 05.03.2024)
14. Henk ten Have. Global Bioethics: An introduction [Electronic resource]. – URL: https://pdfs.semanticscholar.org/5390/cc6cbb33d8857866d3edb8393cadf34bf56d.pdf?_ga=2.208372050.114579814.1584200101-1736922553.1584200101 (дата обращения: 14.03.2024)

15. Nowotny, H. Shifting horizons for Europe's social sciences and humanities [Electronic resource]. – URL: <https://www.theguardian.com/science/political-science/2013/sep/23/europe-social-sciences-humanities> (дата обращения: 01.03.2024)
16. Steinkamp N.L., Gordijn B., Henk A.M.J. ten Have. Debating Ethical Expertise [Electronic resource] // Kennedy Institute of Ethics Journal. 2008. Vol. 18. No 2. Pp. 173-192. – URL: <https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/69564/69564.pdf?sequence=1> (дата обращения: 12.02.2024)

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ СОЗНАНИЯ

**Олимов К., доктор философских наук, профессор,
академик АН Республики Таджикистан
Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова
АН Республики Таджикистан, г. Душанбе**

Рассматривая события XXI века, четверть которого пройдена человечеством, невольно размышляем о нынешнем нашем состоянии и возможном развитии «политического животного» (Аристотель) в будущем. Сегодняшнее состояние нашего мира напоминает начало 30-х годов прошлого века, когда нидерландский ученый Й. Хейзинга с определённой душевной тревогой отмечал, что идёт тразложение культуры, человечество живёт в ожидании катастрофы [1, с. 802]. Вспомним, что как раз в это время в Европе получает наибольшее распространение экзистенциализм как отражение пессимистического настроения масс; «воля к власти» Ницше захватывает умы многих философов того периода.

Сегодня, когда идёт бушующая волна всевозможной информации, которая со всей силой ударяется о берега человеческого сознания, последнее теряет свои защитные укрепления, при этом меняется русло течения привычного восприятия жизненных реалий и происходит неадекватная оценка разумом трагических событий времени. Множество самых разных бед приносят войны в семье Адама, изгнанного Богом из Рая за грехи.

Одни исследователи называют современную философию философией кризиса. Другие утверждают, что идёт варваризация культуры. Сторонники данной концепции считают путём выхода из сложившейся ситуации развитие культуры на основе индивидуальной инициативы и частной собственности. [1, с. 802] А. Швейцер причину войны и кризиса видел в общечеловеческом бескультурье [1, с. 803]. Однако эта теория не может быть признана достаточно обоснованной, ибо она не отвечает на вопрос о причинах бескультурья.

Марксистская теория является, на наш взгляд, более обоснованной, поскольку кризис культуры и прочие общественные недуги она объясняет исходя из социальных условий жизни, материальной обеспеченности людей, в зависимости от уровня развития производства, соответствия производительных сил и производственных отношений конкретного общества. Следует отметить, что после распада СССР данная теория для некоторых учёных стала не особенно привлекательной. Например, российский философ А. А. Ивин в своей интересной монографии «Диалектика. От зарождения до триумфа и краха» связывает диалектику с коммунистическим мифом К. Маркса, которая, подобно некоторым художественным направлениям, романтизмом или реализмом в частности, со временем уходит с арены. С некоторыми положениями автора, например, о диалектике как стиле мышления, необходимо согласиться, однако его стремление абсолютизировать тождество диалектического учения с

коммунизмом выглядит весьма спорным [2, с. 3-4 и далее]. Законы диалектики исходят из самой жизни, они не зависят ни от марксизма, ни от какого-то другого учения. Можно ли не признавать борьбу противоположностей или отрицание старого новым и т.д.? Перестанут ли действовать с уходом со сцены истории марксизма или «коммунизма» противоречия в обществе, в мышлении или в процессах и явлениях природы? Или перестанут ли учёные использовать диалектику как метод исследования? Думается, что всерьёз вести речь об этом невозможно.

В исследованиях некоторых религиозных философов, в том числе и исламских, давно имеют место попытки отрицания диалектики и материализма. Мне думается, что сегодняшнее «торжество» анти-диалектики не означает краха диалектики, а является свидетельством кризиса сознания. Происходящие глобальные процессы настолько сложны, что «в рамках каждой великой традиции социальных исследований – либеральной, консервативной и марксистской – нет единых представлений о глобализации как социально-экономическом феномене» [3, с. 3 и далее]. Поэтому объяснение сложных процессов требует глубокого изучения различных концепций и подходов вместо огульного отрицания тех или иных учений.

Китайские учёные объясняют успехи своей страны с наиболее удачным, творческим применением марксистской философии и диалектики. Ли Жуйхуань, в частности, пишет: «Если бы не было большой дискуссии о критериях истины, не изучалась бы так серьёзно философия марксизма, не было бы научного обобщения опыта, мы не смогли бы одержать победу в деле нормализации обстановки, сегодня не было бы благоприятных условий для проведения реформ» [4, часть 1, с. 4].

Нынешнее свёрхвлечение к концентрации богатства, безответственное отношение к природным ресурсам, монополия информационных средств, заранее запланированное деформирование массового сознания, особенно молодёжного, заинтересованными в этом деле кругами. Целью такого деформирования выступает побуждение широких масс людей к деструктивным действиям, совершение которых характеризует нынешнее положение дел в значительной части регионов мира. Фундаментализм экстремизм в его различных проявлениях, терроризм и другие противоправные и античеловеческие действия – суть проявления деформированного сознания.

Нигилизм применительно к культурам якобы отстающих в своём развитии государств и народов со стороны глобалистов или сторонников глобальной трансформации, а также постоянно растущее влияние транснациональных монополий приводит к активизации и противодействию сложившемуся порядку некоторой части населения развивающихся стран, особенно их молодёжи. Эти противодействия часто выходят за пределы дозволенного, принимают характер насилия, ибо нужда, безработица, падение уровня образования вызывают культурную деградацию молодого поколения, многие представители которого становятся политическими или религиозными фанатиками, орудием террора в руках глобальных управленцев мирового процесса. Совершенно прав Э. Фромм,

утверждающий, что «Ницше наглядно изобразил приближающийся нигилизм, воплотившийся в нацизме, и написал портрет «сверхчеловека» как отрицание потерянного и ничтожного человека, какого он видел в действительности» [5, с. 143-144]. Следует также, вслед за И. А. Беляевым, заметить, что «в наши дни фанатизм непрерывно изменяется, обретает все новые и новые формы. При этом религиозное в фанатизме зачастую становится трудноотличимым от нерелигиозного» [6, с. 69], вследствие чего всякий нынешний экземпляр «сверхчеловека», вне зависимости от специфики генезиса его фанатических интенций, склонен сеять вокруг себя зло.

Современные дискуссии об антропологическом кризисе затрагивают обширные стороны человеческой жизни, в том числе проблему цивилизации и варварства. Ныне варварство становится неотъемлемой стороной противоречия цивилизации, которое проявляется в форме ущемления, ограничения прав, в подавлении свобод и гарантий людей. Известный российский философ Н. В. Мотрошилова резонно отмечает: «Драматизм современной истории состоит в том, что во-первых, нередко варварски попираются законы, нормы, о которых нарушающие их индивиды достаточно хорошо осведомлены, и во-вторых, их нарушение в отношении тех или иных людей часто оправдывается как раз стремлением “восстановить справедливость”, “свергнуть диктатуру и диктатора”, “отстоять свободу и независимость” нации и т.д.» [7, с. 102].

Для предотвращения возможной глобальной катастрофы, чтобы человечество само себе не приготовило участи динозавров, необходимо искать пути выхода из различных форм кризиса, особенно кризиса сознания. Безудержное стремление к наживе, к накоплению богатства узкими кругами людей приводит к обнищанию целых стран и народов, даже обладающих богатыми культурными традициями, диктует необходимость установления относительной справедливости в распределении материальных благ, принятия неотложных мер для доступа всех к образованию, культурным ценностям. Воспитание чувства уважения к окружающим, освобождение людей от неуместной гордыни, которая является проявлением духовного опустошения, должно способствовать преодолению кризиса сознания. Как никогда очень ценной оказывается теория любви Л. Н. Толстого. В XIII веке великий Джалалуддин Руми (Балхи) призывал людей любить друг друга, чтобы преодолеть отчуждение между ними. Кажущийся абстрактным, этот призыв имеет глубокий гуманистический смысл, звучит очень актуально, особенно в условиях противостояния культур и конфессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философия : учебник / [В. Д. Губин и др.] ; под ред. В. Д. Губина и Т. Ю. Сидориной. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Гардарики, 2005. – 828 с.
2. Ивин, А. А. Диалектика от зарождения до триумфа и краха : монография / А. А. Ивин. – Москва : Проспект, 2019. – 238 с.

3. Глобальные трансформации : Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. – Москва : Праксис, 2004. – 575 с.
4. Ли, Жуйхуань. Изучение и применение философии. В 2 ч. / Жуйхуань Ли. – Бишкек, 2012.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2006. – 574 с.
6. Беляев, И. А. Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного мироотношения / И. А. Беляев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 4(28). – С. 68-71.
7. Мотрошилова, Н. В. Цивилизация и варварство в современную эпоху / Н. В. Мотрошилова. – Москва : Институт философии РАН, 2007. – 272 с.

СОВРЕМЕННЫЙ САТАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ КОНВЕРСИИ И КОНТРОВЕРСИИ

**Перцева У.С., ассистент кафедры философии, культурологии и социологии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В общем смысле сегодня под культурной конверсией принято полагать процесс изменения культурных ценностей и норм, идеалов, убеждений и практик, который осуществляется ввиду непосредственного воздействия каких-либо внешних факторов.

Закономерным результатом культурной конверсии становится формирование различных по своему содержанию субкультурных и контркультурных единиц, а также новые подходы к описанию влияния одной культурной системы на другую, в том числе в случаях взаимного перехода либо смены культурных парадигм.

Ввиду наличествующей широты понимания самого содержания феномена культуры, современная гуманитарная мысль подразумевает, что процесс культурной конверсии может включать в себя весьма разнообразные компоненты межкультурной коммуникации, среди которых укажем на инкультурацию и аккультурацию, миграционные процессы, медийное информационное воздействие, культурный шок, глобализацию, моральные паники, деятельность политических движений или религиозных организаций, этноцентризм и прочие. Стоит отметить, что даже приблизительный перечень культурно-конверсионных проявлений продолжает увеличиваться в связи с тем, что «межкультурные коммуникации в условиях глобализации учащаются, их скорость возрастает» [1, с. 223].

Примерами культурной конверсии могут служить не только изменение устоявшегося образа жизни под влиянием моды или адаптация укоренившихся обычаев и традиций профанной культуры в соответствии с современными трендами, но также и принятие отличных от социально одобряемых и конвенционально традиционных религиозных и иных веровательных убеждений, влияющих на самоидентификацию личности.

В данном контексте важно уточнить, что процесс культурной конверсии осуществляется в целом аналогично конверсии религиозной, которая на сегодняшний день изучена весьма подробно ввиду более узких границ определения самого предмета ее исследования – говоря о религиозной конверсии, отечественные исследователи подразумевают «именно феномен изменения (трансформации, смены) религиозной принадлежности (религиозной идентичности) индивида, при котором происходит отказ от одной системы религиозных верований и образцов поведения в пользу другой» [2, с. 427].

Наглядным примером культурной конверсии, которая осуществляется по аналогии с религиозной конверсией (и опосредована теми же механизмами), мы полагаем современный сатанизм.

Академический потенциал рассмотрения современного сатанизма через призму культурной конверсии заключается в контекстуальном исследовании того, каким образом он способен оказывать влияние на ценностно-нормативное содержание устоявшихся типов и форм мировоззрения, а также в анализе тех социально культурных метаморфоз, которые происходят на уровне общественного и индивидуального сознания под воздействием сатанизма как субкультурного либо контркультурного новообразования.

В качестве демонстрации результатов культурной конверсии на уровне «массовая культура и культура современного сатанизма» приведем нижеследующее:

1. Индустрия тяжелой музыки, в основном различные представители жанра «метал», сегодня нередко апеллируют к собирательному образу Сатаны не только в качестве антагониста, но и используют его для того, чтобы «затронуть те или иные проблемы общества, сопоставляя себя с люцифером – изгнанным, падшим ангелом, тем самым обозначая свою девиантную позицию» [3].

2. В сфере кинематографа не представляет труда обнаружить перечни (т.н. «подборки») фильмов, посвященные тематике сатанизма, которые, как правило, содержат в себе не один десяток наименований – среди последних встречаются не только фильмы в жанре ужасов, но и те произведения современного кинематографа, которые раскрывают образ Сатаны через призму лирического героя, к судьбе которого зритель предположительно должен испытывать не только искренний интерес, но и своего рода эмпатию.

Примером может послужить сериал в жанре драмы и фэнтези «Люцифер», в котором «очаровательный, харизматичный и дьявольски привлекательный Люцифер наслаждается отдыхом – вином, женщинами и музыкой» [4].

3. Мы полагаем, что следует обратить внимание также и на распространенность сатанинской тематики в сфере крайне коммерциализированной индустрии моды, которая извлекает наибольшую по сравнению с вышеназванными компонентами массовой культуры финансовую выгоду в результате реализации предметов одежды, обуви и аксессуаров, (в первую очередь среди молодежи как целевой аудитории потребления), чем в последние годы озадачены не только исследователи прикладных вопросов взаимодействия культуры, религии и общества, но и сами представители творческих индустрий, которые отмечают, что, к примеру, «обычно оптимистичный дизайнер Ашиш Гупта даже сделал вышивку, восхваляющую Сатану, на капюшоне толстовки в качестве шутки» [5].

Безусловно, вышеприведенные примеры культурной конверсии некоторых аспектов современного сатанизма в массовую культуру не оказываются сокрытыми для широких масс – напротив, зачастую они вызывают весьма бурную реакцию у носителей конвенциональных культурных ценностей и становятся предметом длительных дискуссий и споров, в результате которых мы

неизбежно приходим к пониманию, что «культуротворческий процесс предусматривает изменимость аксиологического измерения», то есть сталкиваемся с проявлением культурной контroversии [6].

Под культурной контroversией, как правило, подразумевается некое общественное обсуждение-осуждение, множественные споры, эскалация разногласий вокруг определенных культурных феноменов, ценностей или взглядов. Контroversивность в данном ключе может включать в себя дискуссии о религиозных убеждениях, художественных произведениях, социокультурных практиках и других аспектах культуры, которые вызывают широкий общественный интерес и приводят к противоборствующим точкам зрения.

Следовательно, в качестве основного вывода касательно культурной конверсии и контroversии, проистекающих из самоочевидной неоднозначности вплетения различных аспектов современного сатанизма в полотно массовой (в том числе коммерчески успешной) культуры, считаем необходимым указать на тот факт, что переход культурных феноменов из разряда «нишевых» (то есть весьма специфичных и определенно узкоспециализированных для своей аудитории) в массовые и общедоступные, на сегодняшний день представляет собой не только некую обыденность, но уже условную неизбежность, которая не пройдет бесследно и сама собою, а потому исследовательский интерес к изучению этой проблемы, реализуемый не через призму вопросов религии, но все более вопросов культуры, будет еще долгое время оставаться высоким и не удовлетворенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сокольская Л.В., Валентонис А.С. Генезис понятия «аккультурация» в истории научного дискурса XIX-XXI вв. // Диалог со временем. - 2019. - Вып. 67. - С. 212-228.
2. Уфимцева Е.И. Современные объяснительные модели религиозной конверсии: ограничения и эвристические возможности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. - 2020. - Т. 20. Вып. 4. - С. 426-437.
3. Наурыз Г.О. Трансформация образа дьявола в тяжелой музыке: сравнительный анализ в контексте поджанров метала // Международный электронный научный журнал Studia Humanitatis. - URL: <https://st-hum.ru/content/nauryz-go-transformaciya-obraza-dyavola-v-tyazheloy-muzyke-sravnitelnyu-analiz-v-kontekste> (дата обращения: 27.03.2024).
4. Сериал «Люцифер» (2016-2021) // Интернет-издание о кинематографе и онлайн-кинотеатр Кинопоиск. - URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/893621/> (дата обращения: 02.04.2024).
5. Steff Yotka. From Satan to Sorceresses, Fashion Is Ready for a Haunted 2020 // Онлайн-издание о моде Vogue. - URL: <https://www.vogue.com/article/from-satan-to-sorceresses-fashion-is-ready-for-a-haunted-2020> (дата обращения 30.03.2024).

6. Попович Е.В. Прагматика функционирования культурных практик // Евразийский центр Via Eurasia. - URL: <https://www.viaevrasia.com/ru/прагматика-функционирования-культурных-практик-елена-попович.html> (дата обращения: 03.04.2024).

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Сорочайкин Иван Андреевич

аспирант

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Самарский государственный технический университет»

На всех этапах развития общества перед философскими науками стоят одни и те же насущные проблемы: Каково место человека в мире? В чем состоит самобытность человеческого бытия?

Современные философские науки создают представление, обрисовывающее ход преобразования социума под сконцентрированным воздействием информационно-цифровых технологий.

Цифровой тренд в гуманитарных науках имеет наибольшее значение для философии, как способной выявить и определить онтологические, гносеологические и социальные особенности рефлексии процесса идентификации человека в новых феноменах цифровой коммуникации.

Одно из направлений – соотношение человека и цифры. «Цифра» стала не только трендом социального развития, но и фактором, влияющим на жизнь человека. Рассмотрение данного направления жизнедеятельности человека в системе цифровых коммуникаций раскрывает практическую значимость воздействия «цифры», т.к. являясь потребителем информации, человек должен использовать её себе на пользу. С другой стороны, человек одновременно выступает и производителем информации, что, безусловно, повышает его роль в цифровой коммуникации [см. 1].

Не менее важно и развитие философии техники. По мнению Розина М.В. в философском осмыслении нуждается принципиально новый этап развития техногенной цивилизации с обсуждением как методологии подобного изучения, так и смысла философии техники, т.к. «стало понятно, что человек не понимает законы разворачивания собственной активности, переделывающей на наших глазах и природу, и самого человека» [см. 2].

Бесспорно, искусственный интеллект, машинное обучение, нейронные сети, обрабатывая большие массивы информации, приносят пользу. Однако, этические и правовые вопросы по регулированию искусственного интеллекта и не изучены, и не отработаны [см. 3].

Считаем, что цифровизация всё ещё находится на первоначальных стадиях своего формирования, но её воздействие на человека весьма масштабно, не менее концептуальны и радикальны последствия данного процесса. Вопреки утверждениям сторонников глобализации, в начале XXI века мир оказался значительно беднее и несправедливее, чем полстолетия назад. Последнее находит свое выражение в фъечекультуре, одним из трендов становления которой выступает конфликт России с Западом [см. 2; 4]

Подтверждением данного тезиса являются увеличивающиеся тенденции углубления неравенства в мире. В таких случаях развития общества исследователи обычно обращаются к теории Симона Кузнеця, но из его трудов можно сделать и такой вывод: «The improvement of labor force quality is primarily influenced by education improvement. However, the excessively active redistribution, for instant, through high taxation of entrepreneurs can have a negative impact on economic growth. And as a result, it can lead to a drop in the average standard of living of all social strata, including the poor ones» [5].

Ряд исследователей определяют современное состояние глобального социума, как «общество риска» [см., например, 4], что, несомненно, позволяет перевести философский дискурс в направление человека экономического (Homo Economicus) и, соответственно, философии экономики, т.к. предельным основанием бытия и мышления в современном мире стала экономика.

Современный экзистенциально активный человек значительную часть своего времени проводит в виртуальной среде и в этой связи в современной гуманитарных науках на первый план выдвигаются проблемы осознания причин и сущности цифровизации, выявление гуманистического смысла и содержания экзистенции человека в технизированном мире, осознание гуманитарных критериев социокультурного бытия со всеми развёртывающимися на его фоне технологическими нововведениями.

В условиях цифрового общества и культуры формируется особый человеческий тип – "цифровой человек" или "Homo Digital", обладающий набором принципиально новых ценностных ориентаций» [7].

Для "Homo Digital" ключевой составляющей эффективной и безопасной жизнедеятельности становится свободное владение цифровыми и информационно-аналитическими технологиями, при помощи которых он получает объем информации, производит (в силу своей адекватности и способностей) его оценку и выстраивает модель своего социального поведения [8].

В цифровом обществе вся жизнедеятельность связана со средствами мультимедиа и информационными технологиями – источники его генезиса, которые способны быстро и масштабно продвинуть или уничтожить любую идею (в этом есть и плюс, и минус), что создает иллюзию «цифрового» дискурса и порождает огромный поток информации, который ряд авторов называет «цифровым цунами» или «цифровым потоком». С нашей точки зрения, для данного процесса больше подходит термин «цифровой паводок».

Современная философия в современном меняющемся мире должна способствовать прояснению спорных вопросов о статусе человека, о сохранении его подлинно «человеческой» сущности, поставленной под вопрос необдуманном экспериментированием и неосторожным вмешательством в саму биологическую природу человека, о единстве и взаимозависимости человека и естественной среды его обитания. Именно в этом и видится задача философии, т.к. указанные дилеммы приобрели беспрецедентное значение: это уже не просто объекты философской рефлексии, но основополагающими условиями

выживания человечества в условиях возрастающей деградации духовности индивида и общности.

Следует согласиться с мнением проф. Захаровой Л.Н.: «Лучшие качества человека не должны исчезнуть в новой цифровой цивилизации» [9].

Резюмируя, считаем необходимым для дальнейшего системного изучения проблем цифровой идентичности, цифрового человека и цифровой философии серьезное общественно-профессиональное и научное обсуждение. С учетом увеличивающегося влияния цифровизации на человека, можно с уверенностью заключить: формирование цифровой идентичности – это вопрос личной, общественной и национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермаков, С. А. Человек в системе цифровой коммуникации / С. А. Ермаков, Е. В. Ермакова // Теоретические и прикладные аспекты в области гуманитарных наук : Материалы V Международной научно-практической конференции, Рязань, 28 апреля 2023 года. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Концепция", 2023. – С. 74-77. – EDN UOKSYP.

2. Розин, В. М. Философия техники на перепутье / В. М. Розин // Вестник Российского философского общества. – 2022. – № 3-4(101-102). – С. 134-142. – DOI 10.21146/1606-6251-2022-3/4-134-142. – EDN UXBRYW.

3. Скворцов, К. В. Человек в современной цифровой реальности / К. В. Скворцов, А. Н. Искандарян, А. Б. Люхтер // Наука и бизнес: пути развития. – 2023. – № 10(148). – С. 42-46. – EDN IJETIY.

4. Розин, В. М. Кризис техногенной цивилизации, вызовы «фьючекультуры», задача обновления философии техники / В. М. Розин // Наукoведческие исследования. – 2023. – № 4. – С. 92-109. – DOI 10.31249/scis/2023.04.06. – EDN YQIEQG.

5. Anpilov, S. M. “Kuznets curve” and correlation between wealth and poverty / S. M. Anpilov, A. N. Sorochaikin, I. A. Sorochaikin // Economy, Governance and Law Basis. – 2023. – No. 4(39). – P. 12-16. – DOI 10.51608/23058641_2023_4_12. – EDN LZLJEN.

6. Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации / В.К. Степанюк // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2020. № 4 (121). С. 159-163.

7. Guryanova A., Astafeva N., Filatova N., Khafiyatullina E., Guryanov N. Philosophical View on Human Existence in the World of Technic and Information // The Impact of Information on Modern Humans / Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 622. Springer, Cham, 2018. P. 97-104.

8. Сорочайкин, И. А. Цифровая реальность: от Homo economicus к Homo digital / И. А. Сорочайкин // Экономика, управление и право в современных условиях : Межвузовский сборник статей / Под общей редакцией Л.М. Сураевой. Том Выпуск 41. – Тольятти : Автономная Некоммерческая Организация

"Институт судебной строительной-технической экспертизы", 2021. – С. 59-62. – DOI 10.51608/23104392_2021_41_59. – EDN PPFDOE.

9. Захарова, Л. Н. Человек цифровой как конец цивилизации? / Л. Н. Захарова // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2019. – № 4(14). – С. 32-35. – EDN MGUIIZ.

ТРАНСГУМАНИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Хуббитдинова Зарина Айратовна
Южанинова Екатерина Рафаэлевна, доктор педагогических наук,
профессор кафедры философии, культурологии и социологии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Трансгуманизм – это философское и научное движение, которое исследует возможности улучшения и расширения человеческой способности благодаря использованию передовых технологий.

Тема трансгуманизма является сложной и противоречивой, и она вызывает много дискуссий среди ученых, философов и общественных деятелей. Многие известные авторы изучают трансгуманизм и его возможные последствия. Они занимают разные позиции касательно данной темы.

Одни защищают трансгуманизм и видят в нем путь к усовершенствованию человеческих способностей, прорыв в развитии человека, этап на пути к созданию «постчеловека». К таким авторам относятся американский футуролог Рей Курцвейл, американский физик-теоретик Митио Каку, шведский философ Ник Бостром, американский трансгуманист Золтан Иштван, английский биолог-эволюционист Джулиан Хаксли, американский ученый Макс Мор, американский специалист по биоэтике Джеймс Хьюз, британский философ Дэвид Пирс и др.

Другие выступают против идей трансгуманизма и видят в нем опасность, ведущую к неравенству между людьми, потерю природной индивидуальности человека и «расчеловечиванию», социальным и этическим проблемам. Данную позицию разделяют американский философ Фрэнсис Фукуяма, американский ученый Леон Касс, польский писатель Станислав Лем, отечественный философ В.А. Кутырёв и др.

Каждый из этих авторов имеет уникальную точку зрения на трансгуманизм и его последствия. Важно отметить, что некоторые из них не склонны впадать в крайности и акцентируют свое внимание как на плюсах, так и на минусах трансгуманизма.

Приверженцы трансгуманизма считают, что человек может и должен использовать научный и технологический прогресс для преодоления своих биологических ограничений и достижения лучшей версии себя.

Трансгуманизм стремится к разработке технологий, которые могут улучшить здоровье и продлить жизнь людей. Например, разработка протезов и имплантатов, которые помогут восстановить функциональность органов и тканей.

Некоторые исследования фокусируются на разработке технологий, которые могут замедлить процессы старения и бороться с возрастными заболеваниями.

Данное направление также исследует возможность усиления физических и

умственных способностей человека. Например, использование экзоскелетов или киборг-протезов может помочь людям с ограниченными физическими возможностями восстановить мобильность. Развитие нейронных интерфейсов может позволить людям расширить свои когнитивные способности, например, усовершенствовать память или обучение.

Трансгуманизм тесно связан с медициной и стремится к разработке новых методов и технологий для более эффективного лечения заболеваний. Например, разработка новых лекарств, использование молекулярной и клеточной терапии для лечения рака, генной терапии для коррекции генетических дефектов и искусственного интеллекта для более точной диагностики и лечения болезней.

Он также активно исследует возможности использования искусственного интеллекта для улучшения человеческой жизни. Разработка автономных систем управления, робототехники и машинного обучения может помочь в автоматизации и усовершенствовании различных сфер (например, производство).

В рамках трансгуманизма рассматриваются перспективы создания синтетических или киборговых существ – гибридов из человека и технологий. Такие существа могут иметь улучшенные способности и функции.

Хотя трансгуманизм имеет свои преимущества, есть и ряд минусов, о которых стоит упомянуть.

Основной минус – этические проблемы, связанные с модификацией и улучшением человека. Некоторые люди считают, что изменение натурального состояния человека может привести к незапланированным последствиям и нарушению нравственности.

Критики трансгуманизма считают, что эволюционные изменения в нашем организме могут привести к потере уникальной человеческой идентичности. Например, использование имплантатов или усовершенствованных мозговых компьютерных интерфейсов может изменить способность человека мыслить и чувствовать. Это может вызвать потерю того, что делает нас людьми.

Другой этической проблемой является безопасность таких технологий. Внедрение имплантированных улучшений или электронных устройств в наш организм может создать новые уязвимости для злоумышленников и навредить нашему здоровью. Кто будет контролировать и обеспечивать безопасность этих технологий, и как мы можем гарантировать, что они используются только для блага людей?

Кроме того, существуют этические вопросы в отношении использования трансгуманистских технологий в военных целях. Возможность создания «суперсолдат» или другого вида улучшенных военных может привести к новым формам насилия и угрозам для безопасности общества.

Генетическая модификация может также вызвать общественное неравенство. Если технологии трансгуманизма станут доступны только некоторым людям (а это, очевидно, так и будет), это может привести к усилению существующих неравенств в обществе. К примеру, если улучшения станут доступны только тем, у кого есть финансовые возможности, это приведет к

усилению гендерных и социальных неравенств между различными группами людей.

Развитие трансгуманизма также может привести к новым угрозам безопасности. Например, взлом и несанкционированное использование улучшенных биологических или кибернетических систем может повлечь за собой серьезные последствия для безопасности и личной жизни людей.

Гуманисты обычно выступают против некоторых аспектов трансгуманизма, считая их неприемлемыми или опасными для человеческой природы. Они подчеркивают важность сохранения целостности человеческого опыта и призывают к осторожности во внедрении технологий, которые могут повлиять на наши физические и психологические характеристики.

Итак, трансгуманизм предлагает невероятные возможности для улучшения человеческой природы, преодоления болезней и увеличения продолжительности жизни. Однако, необходимо учитывать этические и социальные аспекты этой концепции, чтобы минимизировать риски расширения неравенства и сохранить основные человеческие ценности. Каждый из авторов, исследующих данную тему, прав по-своему, мы должны учесть обе позиции – как все плюсы, так и все минусы. Грамотное внедрение технологий трансгуманизма должно быть сопровождено глубоким обсуждением и регулированием, чтобы обеспечить большую пользу для всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бостром, Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / Пер. с англ. С. Филин. – М.: Ман, Иванов и Фарбер, 2016. – 490 с.
2. Каку, М. Физика будущего. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 278 с.
3. Курцвейл, Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2015. – 352 с.
4. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М: АСТ, 2004. – 349 с.

ПОДЛИННОСТЬ ПОЗНАНИЯ МИРА КАК ПРОБЛЕМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

**Стрелец Ю.Ш., доктор философских наук, профессор
Щеглова М.И.**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Философия средних веков, в целом, может быть обозначена как христианская, отвечающая на евангельское «ищите и обрящите», то есть утверждающая возможность Богопознания на путях Откровения,

Таких путей – три: истина, открываемая Священным Писанием; изучение природы как «открытой книги Божественного могущества»; культ – совокупность обрядов, помогающих Богообщению, в центре которого – молитва, как прямой диалог с Богом.

Христианство, по мнению его агентов, – не одна из религий, а подлинная, требующая, поэтому, адекватной философии, не боящейся, «темных мест», парадоксов.

«Верую, ибо абсурдно» (приписывается Тертуллиану) не свидетельство глупости верующих, как это изображается в атеистической литературе, а предложение изменению бытового угла зрения на сверхъестественное, когда ты сталкиваешься с чем-то, что выходит за пределы возможности рассудка и воспринимается как «абсурдное».

Многие христианские богословы в этом именно и усматривали подлинность, «недодуманность» библейского содержания: в том, что душа человеческая («христианка», по своей природе) может заглянуть в иррациональные пласты реальности, переводящиеся в рациональные только в виде парадоксов: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и погребенный, воскрес – это совершенно несомненно, ибо невозможно (Тертуллиан К.С.Ф.)

Подлинность человеческого существования также не столь очевидна, ибо определяется и замыслом Божьим, и свободой самого человека, который, зачастую, выбирает не добро, а зло, «портит мироздание». Лишить же человека свободы невозможно, так как вместе с ней исчезнет ответственность за выбор; бессмысленны тогда будут загробные воздаяния или наказания, да и культ в целом.

Замысел Божий для всего в мире устанавливает его «естественное место» (подлинность предназначения), и добродетель – это правильный баланс между телесной и духовной жизнью, любовью к вещам и к Богу: «Пользуйся вещами, но не люби их. Люби Бога, но пользуйся им», – советует не их. Блаженный Августин.

Подлинность социокультурной реалии, общественного устройства человеческого определяется степенью присутствия в них «града Божьего», в отличие от «града земного» (Иеру-Салим «против» Вавилон) (Бл. Августин).

Главная задача и человека, и мира в целом – единение с Богом (Дионисий Ареопагит), а, значит, любая вещь подлинна в той мере, в какой приобщена к бытию Бога-абсолютному эталону подлинности.

Возможно ли восхождение к нему путем познания его атрибутов – качеств, да еще в системном видении? Очевидно, что такой – катафатический – подход весьма проблематичен, и остается лишь апофатический-отрицательный, в смысле отстранения от Бога всяких признаков и определений, то есть того, что им не является.

К проблеме подлинности мира и его вещей непосредственно относится спор об универсалиях, о природе общих понятий, или о том, что взять основание бытия: идею вещи (Платон) – или о том, наоборот, саму вещь, отражающуюся в мысли как её и «имя», «знак» [1].

Согласно позиции реалистов, общее (универсалия как идея) существует до конкретных вещей и вне их, вполне «реально» (Гильом из Шампо, Ансельм Кентерберийский, Августин Бл. и др.)

К «номиналистам», для которых общие понятия – лишь «имена» («номос») множеств вещей, типа, «мебель» или «фрукты», относят Иоанна Дунса Скота, Уильяма Оккама, Иоанна Росцелина и др. Умеренный реализм представлен в трудах Фомы Аквинского, Альберта Великого и др. [2].

При всем различии позиций в этом споре, несомненно то, что мыслители искали основу бытия как подлинное, исходили из того, что «подлинное» есть, не прибегая к его отрицанию в духе древнеиндийского концепта «майя» или «сновидения» А. Шопенгауэра.

Не сомневались, также, они и в том, что это «подлинное» может быть постигнуто человеческим разумом. Так рождается творческий метод, многократно осмеянный в последствии – «схоластика» (от греч. «школа»). Часто о ней говорили, как о «ложном мудрствовании». На самом же деле, она родилась из веры в возможность рационального понимания и обоснования христианских догматов, иными словами, она представляет собой попытку рационально осмыслить иррациональное. А что как не «схоластика», попытка проникнуть в сущность «человека», «государства», «закона», «любви», «красоты», «добра», и т.д. и т.п.? Таким образом, все науки, вся человеческая культура есть «схоластика», т.к. пытаются исследовать иррациональные глубины бытия мира и человека.

У арабского философа Ибн-Рушда (в латинской традиции – Аверроэс) рождается учение о двойственной истине – богословской и философской: одна берет начало в Откровении, другая движется «снизу вверх» и схоластически доходит до доказательства бытия Божьего. (Наиболее известен здесь Фома Аквинский, с его 5 доказательствами)

Мы скажем, что подлинность этих доказательств условна, хотя движение к этой подлинности, по Аквинату, предполагает вполне эвристический принцип: «не вместо, а наряду»; так что общие идеи (универсалии) существуют и в Божественном уме, и в самих вещах, и в абстрагирующей силе разума человека.

К «подлинности» своим путем пробирается и средневековая мистика, считая себя вправе не разумно осмысливать трансцендентное, «как схоластика», а прямо его мыслить, использовать, в уникально-духовном опыте.

Поскольку данная процедура принципиально не проверяется (и не опровергается, по К. Попперу), подлинность здесь не предполагает поиска критериев её идентификации.

Однако, в количественном плане, можно опереться на различие между «ступенями мистического восхождения», напр., по Бернару Клервосскому и посчитать «подлинно наивысшим» – «экстаз», «обожение».

В учении известного мистика Экхарта Мейстера фигурирует Божественный Абсолют – изначальный, который «безличен и везде».

Подлинность человеческого бытия обретается в единении с Абсолютом, и для осознания этого человеку следует обрести внутреннюю пустыню «уничтожиться». «В ничто» рождается свобода, определяющая искомую подлинность.

В завершении вспомним вопрошание Мартин Хайдеггера: «Почему есть нечто, а не нечто?». Потому что есть подлинная причина этого «нечто» [5] и есть спрашивающий, сказали бы средневековые мыслители.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой философии : в 4 т. - Москва : Мысль, 1969-1972. Т. 1, ч. 2: Философия древности и средневековья. Ч. 2. Т. 1, ч. 2. - 1969
2. Антология средневековой мысли : Теология и философия европ. Средневековья / Ин-т философии РАН, Рус. христиан. гуманит. ин-т; [Науч. ред. С.С. Неретина]. - СПб. : Изд-во РХГИ, 2002
3. История философии: учебник для высших учебных заведений. 4-е изд-е – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
4. Коплстон, Ф.Ч. История средневековой философии / Фредерик Чарлз Коплстон; Пер. с англ. И Борисовой. - Москва : Энигма, 1997. - 500 с.
5. Суини, М. Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада. - 2001. - 303 с.